

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Институт

Кафедра всеобщей истории
кафедра

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

подпись В. Г. Дацышен
инициалы, фамилия

« 23 » июня 2016г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

46.03.01 - История
код – наименование направления

Материальная культура эвенков до начала XX века
тема

Руководитель 23.06.16
подпись, дата д-р.ист.наук, проф. В. П. Кривоногов
должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник 23.06.16
подпись, дата А.А. Вильчиков
инициалы, фамилия

Красноярск 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 Хозяйство эвенков.....	10
1.1 Охота	10
1.2 Рыболовство.....	18
1.3 Оленеводство	24
1.4 Скотоводство и второстепенные виды хозяйственной деятельности	28
2 Материальная культура эвенков.....	38
2.1 Средства передвижения.....	38
2.2 Жилища, стойбища, хозяйственные постройки и утварь.....	44
2.3 Одежда	51
2.4 Пища и напитки	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	66
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	70

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы в первую очередь определяется необходимостью возрождения культуры эвенков. В дореволюционный период хотя и произошла трансформация традиционной материальной и духовной культуры, но, тем не менее, в целом эвенки сохранили традиционный уклад жизни, свою этническую самобытность. Каждый народ богат своим культурным наследием. Их традиции, верования, фольклор - огромное достояние мирового значения, т.е. каждая культура, есть зона оригинального культурного творчества, придающая всемирной истории неповторимый облик.

На сегодня при кажущемся обилии работ, область материальной культуры эвенкийского этноса еще не получила целостного освещения. Изучение данной проблемы в исторической науке преимущественно шло по отдельным ее областям. А ведь исследование предметов материальной культуры позволяет выяснить происхождение народа, истоки его культуры, роли народа в истории мировой культуры. Вопросы материальной культуры являются неотъемлемой частью этнической истории любого народа, она отражает уровень и характер развития общества, его духовную жизнь.

Основой исследования в дипломной работе явились труды советских этнографов, исследователи периода Российской империи, а так же записки иностранцев, которые вели торговлю на территории Российской империи, все они внесли большой вклад в исследования культуры эвенков.

Эверт Избрант Идес выходец из Глюкштадта в Голштинии. Торговал в России с 1677 г, с 1687 г. поселился постоянно, войдя в группу иностранных купцов, глубоко укоренившихся в России – так называемых «московских торговых иноземцев»¹. Царями Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем был послан в Пекин к богдыхану во главе посольства 1692 –

¹ Идес Э. И. Записки о Русском Посольстве в Китай (1692-1695) // Главная редакция восточной литературы. – 1967.

1695 г. Эверт Избрант Идес является одним из исследователей народов Сибири. В своей книге «Записки о русском посольстве в Китай 1692 – 1695» он посвятил не только истории своего путешествия, но и записал ценные сведения, касающиеся эвенков. В своих отрывках об эвенках он дает информацию об их одежде, способах охоты, строительства жилищ, погребальные обряды их зимние и летние занятия и многое другое.

Доктор Д. Г. Мессершмидт, приглашённый Петром I для естественноисторического изучения Сибири и сбора лекарственных трав, был в путешествии по Сибири 5 лет (выехал из Тобольска в марте 1721 г. и вернулся туда в феврале 1726 г.).² Из них почти три года он проездил по местам кочеваний тунгусов (эвенков). На протяжении 5-ти лет вел дневник, в котором сохранились записи о малочисленном народе Сибири эвенки. В его дневнике можно встретить информацию расселении эвенков, численности и роде их деятельности. Как отмечала Василевич дневники Д. Г. Мессершмидт, являются важным источником для изучения жизни эвенков.

Матвей Матвеевич Геденштром надворный советник, исследователь севера Сибири³. В своих работах по изучению Сибири Геденштром понимал, что Сибирь это важнейшая часть Российской Империи особенно для будущих времен – остается еще во всех отношениях краем малоизвестным или худо понимаемым. И поэтому в его записях сохранилось достаточно информации не только нахождение рек и озер, но и народностях, которые заселяли эту дикую территорию.

Большой вклад в изучении материальной культуры народов Сибири внесла крупнейший специалист в области тунгусоведения Василевич. Глафира Макарьевна⁴. Большую научную значимость представляет ее работа

² Мессершмидт Д. Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве. – Абакан., 2012.

³ Геденштроп М. М. Отрывки о Сибири. – СПб., 1850.

⁴ Василевич Г. М. Эвенки Историко - этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). – Л., 1969.

«Эвенки», где на основе литературных, музейных и архивных источников собран обширный материал, освещающий вопросы хозяйства, культуры эвенков, народа родственных эвенкам. Поистине уникальную ценность составляют её сводные статьи, напечатанные в сборниках Музея археологии и этнографии: «Типы обуви у народов Сибири»; «Тунгусский нагрудник»; «Тунгусский кафтан»; «Тунгусская колыбель». Для работ Г.М. Василевич характерны стремление к объяснению происхождения тех или иных объектов традиционной материальной культуры эвенков и эвенков.

Выдающимся этнографом в области изучения культуры эвенков это Владилен Александрович Туголуков (1926 – 1989 гг.) этнограф-сибиревед, специалист по истории и этнографии тунгусоязычных народов, который написал так же множество работ по эвенкам⁵. В большинстве его работ редко можно встретить описания культуры эвенков. Тоголуков в своих работах большой акцент делает на этногенез эвенков. В своих работах он рассматривает расселение и численность сибирских эвенков по отдельным регионам за период XVII – начала XX вв., а так же этносоциальную структуру и взаимодействие эвенков с якутами, русскими, долганов и других этносов.

Уварова Татьяна Борисовна, в своих работах анализируются процессы этнодемографического, этнополитического, этносоциального и этнокультурного развития эвенков в составе Российского государства⁶.

Следующим этнографом в области изучения эвенков будет являться Туров Михаил Григорьевич⁷. Его работы посвящены анализу хозяйств одного из малочисленных народов Сибири - эвенков в конце XIX – начале XX вв. В них дается развернутая характеристика различных видов

⁵ Тоголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвенки) Средней и Западной Сибири. – М., 1985.

⁶ Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII – XX веках. – М., 2005.

⁷ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX в.: принципы освоения угодий. – Иркутск, 1990.

производственной деятельности, места последних в общей системе хозяйства, выясняются главные принципы освоения среды. В работах содержится богатый материал о конкретных способах адаптации, рациональных знаниях эвенков, о таких элементах жизнеобеспечения, как поселения, жилище, пища.

Ермолова Надежда Всеволодовна кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Сибири, музея антропологии и этнографии им. Петра Великого⁸. Всего проведено 10 полевых сезонов среди эвенков Амурской области, Хабаровского края, Сахалина, Якутии и Эвенкийского автономного округа. Предлагаемые работы посвящены формированию эвенков, занимающих в настоящее время территорию Приамурья, Сахалина, Якутии, где Ермолова пытается показать закономерности, по которым происходило взаимодействие между эвенками живущих на разных территориях. Так же в своей диссертации она приводит примеры и доводы, по какому признаку происходило сходство культур разных этносов.

Кривошапкин Михаил Фомич русский врач, этнограф фольклорист⁹. В своей работе «Записки Сибирского отдела» подробно описал тунгусов, но данное описание получило форму отрывочных заметок, но все равно данные, которые были получены, являются ценными для изучения традиционной культуры эвенков.

Попов Николай Александрович русский этнограф, который в 1925 – 26 гг. побывал у Туруханских тунгусов в качестве участника экспедиции Комитета Севера¹⁰. Проведя год в экспедиции, он написал работу,

⁸ Ермолова Н. В. Эвенки Приамурья и Сахалина XVII – начало XX вв. / Н.В.Ермолова // Академия Наук СССР институт Этнографии им. Н.Н.Миклухо Маклая. – Л., 1984.

⁹ Кривошапкин М. Ф. Записки Сибирского отдела // Русское географическое общество – Иркутск, 1863.

¹⁰ Попов Н. А. Пища тунгусов // Издание Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. – 1938. – С. 15.

посвященную пищи тунгусского населения, в которой проводил аналогии культурных этносов по вопросу их питания. В своей работе он представил описания традиционной тунгусской (эвенкийской) пищи и способов её приготовления.

Цель работы – является систематизированное историко-этнографическое описание и изучение хозяйственной и традиционной материальной культуры эвенков до начала XX в.

Задачи работы будут следующие:

1. Характеристика основных компонентов материальной культуры эвенков изучаемого периода в тесной связи с хозяйственной деятельностью и природно – климатическими условиями.
2. Выявление как особенного, так и общего в элементах материальной культуры эвенков
3. Сопоставление данных по материальной культуре с аналогичными материалами других народов Сибири и Севера и на этой основе освещение исторических и этнокультурных связей эвенков с другими народностями Севера.

Объектом исследования в данной работе будут выступать эвенки. А **предметом** исследования уже выступит методы и способы применения в хозяйственной деятельности эвенков.

В настоящее время эвенки живут компактными группами в Эвенкийском автономном округе, в Катангском районе Иркутской области, в Витимско – Олекмийском районе Читинкой области, в Алданском районе Якутии и в Аянском и Чумиканском районах Хабаровского края. Во всех других областях они живут смешано с другим населением.

Хронологические рамки данного исследования будут с XVII – начало XX вв.

В **источниковедческой базе** мы можем отметить повествовательный источник Григорий Иванович Спасский русский историк,

исследователь Сибири¹¹. В своих работах он описал богатейший материал по истории, археологии, этнографии. В своей работе «О сибирской оленной и собачьей езде» представлены очерки, о тунгусской езде на оленях и способах ухода за ним.

Так же в источниковедческой базе отметим заметки русских миссионеров, которые занимались распространением христианства среди населения с иным вероисповеданием¹².

Методология работы. Многоаспектность предмета исследования определила, широки спектр подходов и методов. Основой для исследования были выбраны следующие методы:

Хронологический метод позволил выявить, как развивалась культура эвенков на протяжении с XVII – начало XX в., что было их исконной культурой, а что позже они переняли у пришлого населения.

Метод исторического моделирования позволил нам обнаружить, что именно сохранили эвенки до XX – го в., а именно какими способами или орудиями труда пользуются до сих пор.

С помощью метода аналогии стало возможным выявить, откуда был заимствован тот или иной способ постройки жилищ.

Благодаря аналогии стали известны причины заимствования культуры одних эвенков у других этнических групп.

Анализ позволил выделить определенные признаки того или иного способа охоты на оленя, ловли рыбы, введения скотоводства.

Синтез позволил выявить полюсы и минусы изучаемого предмета, так же дал возможность выделить недостатки данного предмета.

¹¹ Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (ГКБУ «ГАКК») Ф. 805 «Спасский. Г. И. О сибирской оленной и собачьей езде». Д. 430., 1803 – 1853 гг, Д. 430, 1803 – 1853 гг.

¹² Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (ГКБУ «ГАКК») Ф. 667 «Петропавловской, Хатангской, Богоявленской, Усть-Абаканской церквей о миссионерской деятельности». Д. 138, 1802 – 1909 гг.

Научная новизна. Новизна работы, прежде всего, заключается в том, что автор делает попытку обобщения и систематизации, накопленных этнографической наукой данных по вопросам материальной культуры, тем самым создает целостную картину материальной культуры эвенков XVII – начала XX вв.

Практическая ценность заключается в том, что собранный материал работы может быть использован в дальнейших исследованиях в области материальной, духовной и социальной культуры эвенков, а также других народов Сибири для сравнительно-сопоставительного анализа. Полученные результаты могут быть применены в лекционных курсах по этнографии, а также при подготовке специального учебного курса по национальной культуре народов Сибири. Работа представит интерес для историков, этнографов, музееведов, преподавателей общеобразовательных школ.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и источников.

1 Хозяйство эвенков

1.1 Охота

Ареал охотнической деятельности эвенков. В тексте С. П. Толстовой «Народы мира Этнографические очерки» указывалось, что эвенки в XVII в. разделялись по формам своего хозяйства: на «*пеших*» или «*сидячих*» - это (охотники и рыболовы охотников), а так же «*оленных*» (охотников оленеводов) «*конных*» и «*скотных*» (охотники имевшие табуны лошадей и содержатели рогатого скота). Конные жили в южных районах это Прибайкалье, Забайкалье, вернее Приамурье, Маньчжурии и верховьях рек Иро и Онона в Монголии. Иногда встречалось сочетания коневодства с оленеводством в районах Забайкалья. Районы Ангары и Байкала были заселены «пешие» и «сидячие» эвенки, у которых охота на пушного зверя сочеталась с рыболовством. В XVII – XIX вв. были замечены районы, где охота стала сочетаться с разведением рогатого скота.

Но все-таки охота оставалась саамы распространенным и любимым занятием эвенков. На первом месте была охота на копытного зверя, которая служила основным источником питания и дававшая материал для одежды. Охота на лося велась либо индивидуально, либо коллективно. Шкурки мелкого зверя раньше были предметом украшения, но ближе к XVII в. стали предметом обмена. Дальнейшее развитие обмена увеличилось, и охота на мелкого пушного зверя приобрела больший характер¹³.

В тексте: по словам Михаила Григорьевича Турова «Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв.» самый главный вид промыслового хозяйства у эвенков базировался на

¹³ Толстова. С. П. Народы мира «Этнографические очерки». – Л., 1956.

круглогодичной добычи лося. Но большинство этнографов считают, что со временем лося сместил пушной мелкий зверь связи с его высокой стоимостью на рынке. Однако как утверждает Туров, что охота на лося у эвенков всегда стояла на первом месте, даже в те случаи, когда его популяция уменьшалась. Но в некоторых случаях охотники переключались на северного оленя¹⁴.

Мнение Тулова относительно количества популяции оленя и лося состоит в том, что он не делает большой акцент на то, что животные постепенно истреблялись охотниками, по его мнению, причина сокращения ареала обитания лося и оленя больше связаны были с климатическими условиями. Однако в тексте: Василевич Глафира Марковна «Эвенки Историко-этнографические очерки XVIII – начало XX вв.» основывается на том, что пришлое население, в лице русских начиная, с XVII в. привело уже к резкому и быстрому исчезновению данного вида животных¹⁵.

Как отмечалось к концу XIX в. пушной промысел эвенков, если и не занимал значительное положение в обеспечении эвенков приобретаемых в обмен на пушнину продуктами, то являлся, по существу, единственными источником приобретения таких жизненно необходимых средств обеспечения хозяйственно-промышленной деятельности, как оружие и боеприпас, некоторые предметы инвентаря и снаряжения охотника.

Расположение эвенков или точнее их стойбище можно выявить путем обитания животных, на которых они ведут охоту. Для всей сибирской тайги районов расселение эвенков был характерен лось. До прихода русских в Сибирь популяция Лося была распространена по всей тайге, где имелись пригодный рельеф для их обитания. Лось сохранялся уже лишь в труднодоступных местах для человека. Что касается других животных лиса,

¹⁴ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX - начале XX в.: (принципы освоения угодий). – Иркутск, 1990. – С. 152.

¹⁵ Василевич Г. М. Эвенки Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л., 1969. – С. 5–120.

белка, заяц, они отличились от лося пострадали не так сильно и их популяция была сохранена по всей тайге. В северных районах эвенки вели промысел на оленей для лесотундры уже будет характерна охота на горностаю и песца для юга - восточного района охота велась на горных баранов косуль.

Таким образом, можно выделить определенные районы, которые занимали эвенки в качестве охотничьих угодий. В тексте Василевич Глафира Макарьевна «Эвенки Историко - этнографические очерки XVIII — начало XX вв.», которая выявила две большие зоны эвенков, которые приходились в отношении охоты. Первая между Енисеем и Леной, вторая на восток от Лены до Байкала. Так в своих исследованиях она выявила и способы охоты, которые приходились на ту или иную зону. В западной части охотились в основном с луком, потому что отсутствовали пространства с гольцами, что касается восточной зоны, здесь преобладали самострелы и петли связи с гольцовыми областями¹⁶.

Способ и вид охотничьей деятельности эвенков. Охота на лося была приурочена к концу зимы и началу весны. Остальное время охота велась на него попутно. Зимой охота велась на него в основном на лыжах, потому что невозможно было догнать оленя, не взяв лыжи. Выслеживался лось по следам или в определенных случаях охотники брали с собой охотничью собаку, которая выслеживала лося и старалась хоть на малую долю времени задержать лося, чтобы вывести к нему охотников. Охота гоним требовала от людей выносливости, потому что она была очень сложной, так как животное было выносливее и сильнее чем человек. Нередко приходилось гнать лося не только часами, но и днями, где люди полостью исчерпывали все свои силы но, отдышавшись, продолжали погоню.

Так была и загонная охота, где участвовало иногда 2 — 4 человека. Два человека садились в засаду остальные два гнали зверя по направлению к другим, когда лось пробегал близко, то сидевшие в засаде стреляли в него.

¹⁶ Василевич Г. М. Эвенки Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л., 1969. – С. 5–120.

Хотя этот способ охоты требовал определенную местность, так как если охота велась в степистой местности зверь мог с легкостью улизнуть и вся охота оказалось бы напрасной.

В весенний сезон охотникам требовалась уже собака из-за того что след был моментами плохо заметен, но собака, как ни кто иная могла по запаху определить местоположения лося. Для этого времени года существует еще один способ охоты на лося это охота с лодки. Иногда охотник прятался в зарослях, ожидая выхода лося из леса к берегу при удобном случаи либо вонзал в него копье либо стрелял из ружья.

Весна и осень у эвенков считается время дикого оленя. Охота велась, так же как и на лося либо гоном, либо устраиванием засады. Например, к северу от Нижней Тунгуски, где шла миграция оленя в сторону тундры их сторожили и при появлении табуна начинали стрелять. Испуганные животные начинали разбегаться в разные стороны и начинали вязнуть в снегу этим и пользовались охотники, догнав, убивали зверя. А если убивали вожака, то охота удавалась на славу стадо оставалось без вожака и приходил в полное замешательство.

К востоку от Енисея ближе к реке Лене у эвенков была распространена охота на кабаргу. Напоминает она маленького оленя. Способ охоты ничем не отличался от охоты на оленя, лося. Но из — за своего небольшого размера можно охотились на нее при помощи петель. Но наиболее распространенным способом охоты на кабаргу использование «манки». Ставилась она как можно дальше от охотника, но в приделе его видимости для выстрела в зверя.

К этому сезону относилась и охота на Изюбря, который считался не только мясным животным, но и имел товарное значение. Ареал его, обитая верховья Лены, Забайкалье, и левые притоки Амура. Охота велась, так как и на оленя, лося, кабаргу. Например, Верхнеленские эвенки отохотились на него при помощи берестяной или деревянной трубой, а точнее «оревун». Найдя следы, они садились в засаду и в ходе охоты слушали, где кричит

зверь. Если изюбрь прекращал рыканье, они начинали дуть в трубу, подражая рыканью изюбра. Изюбр, отвлекавшийся на этот звук подходил ближе к охотникам.

К мясным животным у эвенков относился и медведь. Охота велась на него преимущественно весной и поздней осенью. Промысел медведя у эвенков был ограничен связи с особым статусом, которое он занимал как религиозное животное.

Из пушного зверя охота на соболя занимала первое место у всех групп эвенков. Охота на соболя велась с собакой. Собака загоняла соболя на дерево или в дупло и начинала лаять, давая знать охотнику, где именно затаился соболь. Если соболь находился в дупле, то охотник затыкал ствол и разводил дымовуху и начинал выкуривать зверька оттуда при его появлении он его убивал. Характерной для енисейской тайги был способ охоты с «обметом» это сетка длиной 40 – 90 метров. Вокруг места, куда скрылся соболь с наклоном во внутрь на них укрепляли сетку. Нижнюю часть сетки вминали в снег. Наверху сетки привязывали колокольчики и ждали, когда они зазвенят. Некоторые эвенки, которые жили рядом с русскими ставили на соболя кулемы и капканы. Промысловая охота на соболя в 18 веке в ряде районов была заменена на белку. Ареал обитания белки был велик это районы Енисея, Лены, Забайкалья. Охотились на нее с луком со стрелами, а позже — ружье. Не только у эвенков, но и большинства других народ бить белку приучали еще с раннего детства.

На лисицу весной и зимой эвенки охотились из лука и из ружья. Иногда использовали плашки и кулемы. Но чаще всего использовали капканы это характерно будет для енисейских и неленских эвенков.

На колонка охотились осенью с ружьем. Если же он уходил в нору, то топором вырубали нору. Если же зверек уходил в дупло, то устраивали дымокур, как только зверек выскакивал, охотники его ловили руками и убивали, либо ставили капканы. Характерный способ охоты осуществлялся и на рысь, выдру.

На волка эвенки прежде не охотились это было связано с тем, что эвенки сохранили представления о волках, по — видимому тотемистического характера. Волк у эвенков ассоциировался неким «носителем счастья». Только перед началом XX в. охота на волка приобрело начало.

Оружия охоты у эвенков служили лук со стрелами. Он был вытеснен в XIX в. ружьем. Использовали они так же копье, пальму и ножи. Лук у эвенков был двух типов сложные и простые. Сложный лук был длиной в одну ручную сажень, склеивали рыбьим клеем из двух хорошо просушенных, изогнутых пластин. Енисейские эвенки в середину лука вклеивали квадратный или овальный березовый клин, западные эвенки оклеивали лук берестой, а концы лука обматывали сухожилием. Восточные эвенки обклеивали лук полосами черемухового дерева. Стрелы различались наконечниками, все зависело от выбора зверя, на которого пойдет охота.

«Пальма» представляла собой массивный, длиной 50 — 60 см односторонне острый тесак, нижним концом вставленный в расщеп палки. Так же копье было одно из орудий охоты оно представляло собой двустороннеострый листовидной формы наконечник.

Важным и необходимым для охотника были лыжи. На охоте по передвижению по насту служили лыжи голицы без «камуса», а для глубокого снега камусные лыжи. «Камус» — специальная подкладка на скользящую поверхность лыжи для того, чтобы лыжа не проскальзывала при подъёме. Камус также жестковолосная часть шкуры нижней части ног животных, принадлежащих в основном семействам оленевых из которой эта подкладка первоначально и изготавливалась. Лыжи представляли с собой тонкие, длиной с человеческий рост и шириной в две пяди, еловые доски, выгнутые в средней части с острыми, загнутыми вверх концами.

Лыжи у каждой группы эвенков были разные, различие исходило от размера лыж. Для изготовления лыж эвенк долго искал дерево, которое не имеет нижней части сучьев. Выбиралась обычно лиственница или ель как более легкое дерево, но более гибкое и прочное была осина. Из дерева

топором вырубали доски, их сушили, а после ножом выстругали, равняли так, чтобы с середины толщина лыж сходила к концу. Приготовленные доски с заостренными концами вставляли в рамку, чтобы получились три выгиба: у переднего и заднего концов и посередине в рамке их просушивали.

Так для пешей хоты на дальние расстояния необходимым снаряжением охотника являлась ручная нарта. По своему составу ручные нарты были различными: Енисейские эвенки делали нарты из двух тонких полозьев, передние концы которых были выгнуты кверху на каждой из полозьев, при помощи ремешков укрепляли четыре копыла около 0,5 м высотой. Копылья немного выше середины связывались черемуховым или ивовыми вязками, к которым прикрепляли тонкие узкие пластинки — дранки, служившие настилом. Пространство между жердью и настилом переплетали веревкой. У некоторых из эвенков бассейна Енисея настил укрепляли на вязках. Верхненленские и забайкальские эвенки привязывали жердь с боку. А эвенки с верховьев Нижней и Подкаменной Тунгусок вместо нарта использовали широкую лыжу, где каждый предмет привязывали отдельными ремешками. У эвенков к востоку от рек Биры и Нимана нарта была уже длиннее западной.

Из орудий охоты наиболее распространенным и сохранившимся является самострелы. Ставили их на медведя, лося, косулю, кабаргу, зайца, а восточные эвенки иногда и на соболя. Одним из древних способов охоты была охота петлей. Практически вся группа эвенков применяла этот способ охоты и применяется по сей день. Для XVII — XVIII вв. характерно использовали всякого рода давящие ловушка.

В тексте: по словам Василевич. Г. М. «Эвенки Историко – тнографические очерки XVIII – начало XX в.» говорит все мясо добытого зверя, охотник отдавал коллективу. Сам охотник, имел право насытится досыта печенью, мозгами и почками сразу после освеживания. В тех случаях, когда вместе с охотником кочевала семья, охотник отдавал тушу чаще всего брату, но и матери эта передача называлась – «*нимат*». Прежде запрещалось

делить тушу самому охотнику. Если в охоте принимало участие три – четыре охотника, то вопрос о разделе туши решался коллективно. Распределение туши имело свои стойкие традиции, которые могли варьировать, например: у верхнеалданских эвенков, если в охоте участвовало два или три человека получали по пол шкуры и по два камыса, а шкура с головы зверя доставалась главному охотнику. У подкменнотунгусских эвенков шкура с туши доставалась обычно брату матери, шкуры с ног и головы – охотнику. При разделе мяса преимущественно отдавалось старым и больным. Взрослые мужчины которые не имели своего собственного хозяйства не получали мяса но они могли кормиться с общего стола в любом чуме куда заходили. У среднеалданских эвенков сохранилась старая традиция деление головы на 9 частей. Когда убивали медведя, голова доставалась тому, кто первым нашел след, и он же распределял мясо медведя¹⁷.

В тексте: Уваровой. Т. Б. «Нерчинские эвенки в XVIII – XX веках» говорится, что вскоре по мере того, как возрастало значение скотоводства, а с конца XVIII в. и на протяжении XIX–XX вв. и земледелия в хозяйстве эвенков, роль охоты все более и более сокращалась. Если в XVII в. она была основой существования значительной части степных эвенков, то к началу XX в. стала только одним из подсобных промыслов.

Охота на крупного зверя к концу XIX в. приобретала все более индивидуальный характер. Уже с середины XIX в. столетия основным способом добычи лосей и изюбрей стало либо устройство засады – сидьбы (шалаша) или лабаза (специально сооруженного приподнятого помоста) на естественных и искусственных солонцах и солнопеках (южных склонах гор, где в первую очередь появлялась новая трава), либо осенняя охота с трубой¹⁸.

¹⁷ Василевич Г. М. Эвенки Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л., 1969. – С. 5–120.

¹⁸ Уварова. Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII — XX веках. – М, 2005.

1.2 Рыболовство

Места рыболовной деятельности эвенков. Одним из таких видов хозяйственной деятельности эвенков, способных в известной мере влиять на формирование своеобразного кочевого способа хозяйствования в летнее время, являлось рыболовство. При этом следует отметить что термин «рыбные промыслы» более точно отражает суть реально существующих масштабов и характера этого вида промыслово-хозяйственной деятельности эвенков. Собственно о рыболовстве как отрасли хозяйства, тем более как об отрасли общественного производства, на наш взгляд, можно говорить в том случаи случае, когда добыча рыбы сопровождалась массовыми заготовками впрок, имеющими потребительское значение, либо является отрасли товарного направления.

В большей части рек Сибири, таких как Енисей, Верхней Ангары, Витма, Лена, Вилюй, Амур и реки Охотского моря, где ловились хариус, карась, сиг, елец, ленок, окунь, щука, язь, налим, нельма, чир, моксун, стерлядь, кета, кунжа, майма, чавыча, нерка, белуга, калуги, осетра, лосося особенность ее ловли предопределяли три основных вида промысла – промысел ходовой нерестовой рыбы, промысел рыбы во время ее жировки на «ямах» и промысел во время осеннего хода рыбы в крупные реки и глубокие озера.

Большая часть таежных рек, за исключение притоков Нижней Тунгуски, вскрытие которых опаздывает примерно на полмесяца, вскрывается в мае. Однако в начале лета, точнее в конце мая и начале июня рыболовный промысел производился лишь изредка. Но настоящему лову рыбы в достаточном количестве мешала «полая вода». С обсыханием берегов и осветление воды уже с конца июня или немного раньше у эвенков начинается сезон активного ловля рыбы.

После завершения отела в стаде домашних оленей эвенки устремлялись к наиболее известным местам рыбного промысла.

Поднимавшуюся в это время по притокам больших рек рыбу отлавливали разными способами.

Способы и предметы рыбной ловли эвенков. Древним охотничьими способами, сохранившиеся до сих пор, были прокол рыбы и стрельба по ней. Кололи острогой. Существовали три вида этого орудия. Первый – острога «*кирамки*» характерная для всех эвенков. Состояла она из относительно короткого древка длиной 2 метра и плотно всаженного в один конец его наконечника – трезубца. На концах каждого зубца могло быть по одному зубцу – зазубрине или по два на середине и по одному на крайних. Ночью в конце лета, когда вода спадала, били острогой тайменей, хариусов, щук, язей. Искали рыбу с лучильником «*таливун*». Лучили с лодки по заводям, двигаясь вдоль берега, держа в одной руке острогу, в другой лучильник. Северобайкальские и баунтовские эвенки в половодье выезжали с лучильником на пороги и били тайменей, осетров и щук. При лучении с лодки в нос ее втыкали металлическую подставку для смолистых щепок, которые складывали поленецей и поджигали. Человек с острогой стоял посреди лодки и, заметив рыбу, колол ее. Зимой острой с коротким древком били рыбу через прорубь. Богатые эвенки манегры с осени ставили на речках запоры с 1 – 2 отверстиями. Когда речка замерзала, над ними делали прорубь и ставили чум, в котором рыбак усаживался на колени и колол острогой рыбу, стремящуюся пройти в оставленные отверстия.

Острога – гарпун была характерна только для забайкальских и амурских групп эвенков и употреблялась на крупную рыбу весом до 20 килограмм – белугу, калугу, кету, горбушу, осетра, таймень, ленка и других. Трезубец – «*дебгэ*» отличался от трезубца – «*гирамки*» тем, что крайние зубцы его были всегда короче среднего, на каждом из них имелись 2 – 3 зазубрины. Две зазубрины располагались на широкой поверхности зубца, третья помещалась ближе к его острию. На шейке среднего зубца были 4 зазубрин. У основания трезубца находилось, кольцо, к которому привязывали ремень или веревку длиной до 20 – 30 метров. Второй конец ее

привязывали к нижнему концу древка длиной до 4 – 6 метров. Иногда конец ремня привязывали к шейке трезубца. Трезубец насаживали в отверстие на верхнем конце древка таким образом, чтобы при ударе о рыбу он мог соскочить.

Средством передвижения по воде служили лодки: долбленная из ольхи или тополя, иногда с дощатыми бортами и берестянка. При поездках вниз по течению или для переправы связывали бревна в небольшой плот. Лодка берестянка настолько легка, что при поездках без груза речную луку часто е огибали, а переносили берестянку через мыс. В берестянке, а иногда в долбленке, обычно передвигались при помощи двухлопастного весла. При подъеме в долбленке по бурным горным речкам амурские эвенки пользовались шестами. В некоторых районах реки Лены и к западу от Енисея, при охоте на дичь с лодки пользовались короткими веслами с листообразной лопастью. Эвенки, жившие на больших и глубоких реках, имели дощатые лодки. У эвенков, называвшиеся раньше ороченами, была в прошлом в употреблении кожаная лодка «мурекэ» для переправ через реки при перекочевках. Она состояла из чехла, сшитого из двух лосиных ровдуг, которые натягивали на остов, сделанный около переправы.

У среднеамурских эвенков было широко распространено высматривание рыбы с «беседки» или «лабаза». Этот способ применялся после спада воды. Беседка состояла из трех жердей, воткнутых в дно прибрежной отмели или на середине реки: вверху они связывались или перекрещивались; на связку накладывали маленькую дощечку для сидения. Беседка возвышалась над водой на 2 метра. Один из рыболовов сидел на ней и днями высматривал рыбу. Находившиеся в лодка ждали, когда он покажет рукой, где стоит рыба.

В тексте: Василевич. Г. М. «Эвенки Историко-этнографические очерки XVIII – начало XX в.» говорит, что с появлением огнестрельного оружия рыбу стали бить из ружья. Способ стрельбы по рыбе был характерен для всех эвенков, которые вели свое происхождение от группы орочен,

поэтому он пережиточно встречается и среди илимийской группы к северу от Нижней Тунгуски. Стреляли рыбу обычно днем¹⁹.

Еще одним древним способом ловли рыбы был покол ее с рыбкой приманкой через лунку проруби. Он сохранился стариками еще в 30-х гг. XX в. среди бассейнов рек Енисея, Верхней Ангары, верхней части Алдана, а так же среди потомков «сядичих» эвенков удской группы. У енисейских эвенков «печер» это большой деревянный поплавок, к которому привязывали веревку из кедрового корня с деревянным крючком на конце. На крючок насаживали живую сорогу. В иных случаях к крючку привязывали костяную или каменную рыбку приманку. Зимой старики, сидя у лунки, приманивали рыбу, пошевеливая короткой бичевкой которой был привязан «печер». Когда рыба подходила к приманке ее кололи острогой.

Ловля рыбы сетью была в новизну для большинства горнотаежных эвенков. Жившие близко от русских и имевшие сеть ставили ее на ночь, заводя на лодке на середину реки. Сеть осматривали по утрам и вытаскивали рыбу крюком на короткой ручке. Енисейские и северобайкальские эвенки ловили рыбу на более широких речках с медленным течением. Поэтому один конец бечевы сети завозили на лодке, второй укрепляли на берегу. Выпустив сеть в воду, некоторое время ждали, после чего выбирали сеть и из нее вытаскивали рыбу.

Подледный лов сетью применялся у эвенков озерных районов к северу от Нижней Тунгуски. Весной на местах зимовки рыбы, во льду поперек реки делали прорубь. В нее просовывали крюком жердь, к которой по веревке была привязана сеть. Поддерживая сеть длинной вилообразной на конце жердью, продвигали ее ко второй проруби. Выведя сеть к последней проруби, укрепляли концы бечевы. Сеть вытаскивали на следующий день, глуша рыбу палкой. Сеть вязали мужчины и только у среднеамурских эвенков этим делом занимались женщины. Озерные сети плели из

¹⁹ Василевич Г. М. Эвенки Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л., 1969. – С. 28 - 78.

крапивного волокна или из дикой конопли, сети – *адыл*», которые применялись для рек с каменным дном, плели из конского волоса, а сети – «*алга*» из покупной пряжи и ниток. Озерные эвенки делали сети из сухожильных ниток. Редко встречается невод, который был заимствован у соседей.

В тексте: Василевич. Г. М. «Эвенки Историко – этнографические очерки XVIII – начало XX в.» говорит, что среди некоторых групп эвенков, а именно сымских, верхневиллюских и верхнеамурских иногда применялся заимствованный от русских снаряд «*самолов*». Самолов ставили в июне на калугу и осетра. Это была длинная доходившая до 60 метров сплетенная из конского волоса веревка, к которой привязывались тонкие бечевки с большими крючками и поплавками из сосновой коры. Концы веревки концы веревки раздваивались, к одному из них привязывался груз – тяжелый камень, к другому – деревянный поплавок. Снаряд заводил в глубокое место и спускали в воду груз с поплавком, затем другой конец веревки закрепляли на берегу. Таким образом, веревка с крючками находилась в воде. Рыба, идя против течения, натывалась на них. При вытягивании снаряда в лодку глушили рыбу. Сымские эвенки, завезя на лодке конец веревки с грузом и поплавком и опустив его в воду, выпускали самолов и укрепляли второй конец веревки к берегу. Таким образом, самолов находился внизу, а от него кверху в воде подымались бечевки с крючками. Они пошевеливались от движения воды и стерлядь, таким образом, натывалась на них²⁰.

Значение рыболовства в жизни эвенков. В тексте: Турова М.Г. «Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX в.» пишет, что значения рыболовства в хозяйственной жизни эвенков еще более становится очевидным, если проанализировать использование продуктов рыбного промысла в пищевом рационе эвенкийской семьи. Охотничий промысел у эвенков всегда стоял на первом

²⁰ Василевич Г. М. Эвенки Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л., 1969. – С. 5–120.

месте, так как это был не только способ прокормить себя, но и товар которых постоянно уходил на рынок. Рыбный промысел был необходимым в условиях возможного дефицита мясного продукта компенсировал его, создавая тем самым определенный баланс в летнем и зимнем режимах питания. Весомым свидетельством в пользу того, что рыболовный промысел эвенков был существенным источником обеспечения их дополнительными продуктами питания, дают материалы записей Василевич. Г. М. разных лет по составу пищевого рациона и изменение в нем в течение календарного года²¹.

Таблица 1– Данные о рационе питания эвенков за год²²

Месяц	Пища
Декабрь – февраль	Мороженное и сушеное мясо (осеннего забоя)
Март – апрель	Свежее мясо копытных и запасы сушеного мяса
Май – первая половина июня	Мясо вяленое сушеное, рыба свежая, молоко оленя
Вторая половина июня - август	Рыба свежая (постоянно), сушеное мясо, черемша, оленьё молоко, бродячая дичь
Сентябрь	Рыба свежая, мясо (употребляется чаще, чем в предыдущий месяц), птица, ягоды
Октябрь - ноябрь	Мясо свежее (постоянно)

На приведенной таблице видно, что на декабрь и февраль в рацион эвенков входили запасы мороженого и сушеного мяса, на март и апрель эвенки питались свежим мясом копытных, в мае в их рацион входило сушеное или вяленое мясо, но уже частично употребляется рыба. Но начиная с июня и по сентябрь, эвенки питались исключительно рыбой, в редких случаях употребляли сушеное мясо, а уже с октября по ноябрь вновь рыбу заменяло свежее мясо.

²¹ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в.: принципы освоения угодий. – Иркутск, 1990. – С. 126.

²² Сост. по: Василевич Г. М. Эвенки Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л., 1969. – С. 5–120.

1.3 Оленеводство

Проблематика степени изученности оленеводства. В тексте: по словам Турова М. Г. «Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX в.» говорит, что проблема происхождения и типологии оленеводства народов Евразии интересует исследователей вот уже более полувека но, несмотря на столь длительную историю исследований в этой области проблема далека от своего разрешения. Начиная с более ранних работ, посвященных исследованию оленеводческого хозяйства одной из основных причин столь устойчивого внимания исследователей к данному вопросу является заложенная в оленеводстве предпосылка к переходу от присваивающих к производящим формам хозяйства.

Очевидно из-за общей направленности исследования на выявление этнодифференцирующих свойств культуры изучение транспортного оленеводства эвенков в отличие от крупностадного оленеводства чукчей, коряков носило несколько односторонний характер равносильно-типологического исследования этнических норм таежного оленеводства фактически нет до сих пор. Большая часть исследований отмечала лишь общее культурно – типологическое сходство транспортного оленеводства народностей Сибири. Практически не изученным остались такие существенные с нашей точки зрения вопросы, как способы сезонного использования оленя, система выпаса и уход за стадом, традиционные способы лечения болезней и многие другие. В целом можно утверждать, что до сих пор нет общего исследования транспортного оленеводства с точки зрения целостной системы, важной составной части производственной культуры этноса²³.

²³ Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в.: принципы освоения угодий. – Иркутск, 1990. – С. 126.

Вопросы о древности оленеводства, его происхождении и путях распространения принадлежат, как уже было сказано выше к числу наиболее трудных и вместе с тем наименее освещенных в сложной проблеме истории материальной культуры народов Севера. В обширной литературе по оленеводству нет недостатка в различных гипотезах, теоретических построениях по указанным вопросам, немало и работ по оленеводству отдельных народов, но, к сожалению, почти отсутствуют исследования, посвященные характеристике и сравнительному анализу элементов оленеводства, их классификации, истории отдельных типов оленеводства.

Оленеводство может быть характеризовано с разных точек зрения: по общему направлению хозяйства и роли в нем оленя, по характеру использования оленя для транспорта, по способам пастьбы, по породам оленя. В основу классификации типов оленеводства могут быть положены различные признаки в соответствии с теми задачами, которые ставит себе предлагаемая классификация. В этнографической классификации, которая должна отразить историю сложения отдельных типов и исторические традиции того или другого оленеводческого народа, следует исходить из признаков, в наибольшей степени сохраняющих эти традиции и, следовательно, менее подверженных изменениям в связи с географическими условиями, экономикой хозяйства. Этнографическая классификация должна служить не только рабочим приемом при сравнении различных форм, но и отражать реальные исторические взаимоотношения тех этнических групп, которые явились создателями или распространителями тех или иных культурных элементов.

Наиболее известна классификация типов оленеводства, принадлежащая В. Г. Богоразу. В тексте: Богораз В. Г. «Северная охота» выделял следующие типы: северное тундренное оленеводство с санной ездой и более южное – с верховой ездой. В пределах первого он выделял западное оленеводство с применением пастушеской собаки и восточное – с пастьбой оленей без пастушеской собаки. По способу пастьбы верховое оленеводство

относится к восточному типу. Классификация Богораза, правильно отмечая главные отличительные черты оленеводства крупных географических областей, слишком обща и не отражает характерных черт оленеводства разных этнических групп. Она учитывает только два признака: способы пастьбы и вид транспорта (упряжной и верховой). Необходима более детальная классификация, основанная на ряде признаков, которая позволила бы дать развернутую характеристику типов и выделить внутри них подтипы и варианты.

В характеристике транспортного использования оленя недостаточно выделять только верховой и упряжной транспорт; следует учитывать в пределах этих видов различные особенности в упряжке, конструкции нарт, седел и упряжи, в способах посадки и управления оленем²⁴.

Уход за оленем. Эвенкийские домашние олени подобно диким различались своим внешним видом. Западные олени были меньше и менее выносливее, чем восточные. Домашний олень был очень привязан к месту, поэтому часто бывало, что олень при откочевке убегали на старое место. Особенно к местам отела важенки, что учитывалось эвенками при перекочевках. Каждый олень имел свою кличку.

Уход за оленем заключался в подпиливание рогов, холощения, лечения, сооружение изгородей во время спаривания, летом – устройстве дымокуров и теневых навесов. Рога оленям подпиливали перед периодом спаривания. У пеших охотников это делали женщины, у оленных мужчины. Если кровеносные сосуды в рогах еще действовали, рог перевязывали ниже спиленного места. Холостили оленя на втором году, иногда выжидали, когда он войдет в силу, характерным для всех способом было перегрызание тестекуле. Для этого у большинства эвенков оленю связывали ноги, валили

²⁴ Богораз В. Г. Северная охота. – М., 1931.

на спину, двое держали за голову и ноги, а специалист производил операцию. Так, например сымские эвенки привязывали оленя за шею к дереву, накладывали вокруг его корпуса гибкую талину, и двое из них придерживали ею ноги. Некоторые из ватимо – олекиминских эвенков привязывали оленя к двум наклонным жердям и держали, пока проходила операция.

В тексте: «Степанов Н.Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в.» говорит, что уход за оленями у большинства эвенков считается женским делом. Тем не менее, некоторое участие в уходе за оленями мужчины принимали. Мужской работой считалось подноска сухостоя для летних дымокуров, жердей для огораживания их, устройство изгороди для телят во время отела. Повседневный присмотр, выючение, развьючивание и ведение каравана было женским делом²⁵.

Забой оленя. Забой, разделка туши и использовании ее частей имели очень незначительные варианты, что вполне естественно, так как на домашнего оленя распространялись навыки разделки туши, выработанные для диких оленей и лосей. Интересно, что у всех эвенков запрещалось убивать домашнего оленя из ружья. Поэтому способы забоя домашнего оленя, как для нужд семьи, так и для ритуала различались не только между большими группами, но и в пределах одной территориальной группы, состоящей из представителей разных родов.

Специальный осенний забой оленя на мясо был характерен только для эвенков, охотившиеся пешком. Эвенки – ороконы забивали домашнего оленя на мясо в исключительных случаях. Забой имел несколько вариантов: эвенки, переселяющиеся от Енисея, убивали оленя удушением, обернув вокруг шеи ремень, но жертвенных оленей они убивали ударом ножа в сердце. Эвенки, оставшиеся жить на притоках Ангары, убивали оленя ударом обуха по верхним шейным позвоночникам, а оленей умершего забивали удушением и

²⁵ Степанов Н.Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в. // Ученые Записки пединститута им. А.И. Герцена. – 1961. – С. 12 – 89.

оставляли их туши под лабазом вместе с покойником. Северобайкальские эвенки обычно кололи оленя, а оленей, принадлежащих покойному, душили, и туши их складывали на свежей могиле.

1.4 Скотоводство и второстепенные виды хозяйственной деятельности

Скотоводство. На рубеже XVII – XVIII вв. началось оседание части илимских и верхнеленских эвенков в русских деревнях. Поселяясь среди крестьян, эвенки переставали систематически заниматься промыслами и вовлекались в сельское хозяйство, на первых порах обычно в качестве батраков.

В начале рассматриваемого периода наиболее важным и распространенным занятием многочисленных забайкало – верхнеамурских групп так и нерчинских эвенков, все относящиеся к этому времени источники называют кочевое скотоводство, во многом обусловившее традиционные для данного региона бытовой уклад и формы социальной организации. Предварительно следует хотя бы кратко оговорить, что этот вид хозяйственной деятельности издавна распространен в Восточном Забайкалье, однако его значение в хозяйстве эвенкийского населения региона не было неизменным и на более ранних этапах. В тексте: по мнению одного из исследователей нерчинских конных эвенков, этнографа В.А.Туголукова «Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири» говорит, что до XII–XIII вв. «они были оленеводами, но затем испытали на себе длительное воздействие дауров и монголов, следствием чего и был переход к новым формам хозяйства, продолжавшийся и в XVII – XX вв»²⁶.

²⁶ Тоголуков. В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М., 1985.

Несколько иным представляется этот процесс по результатам исследования хозяйства и материальной культуры конных тунгусов XVII в. историком Н.Н.Степановым. В тексте: Степанов Н.Н. «Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в.» считает, что «скотоводство (в том числе и коневодство) в этих районах, несмотря на благоприятные естественные условия, еще не стало основной отраслью производства. И в степных районах тунгусы оставались в значительной степени охотниками-звероловами и рыболовами». Основным занятием значительной их части в это время была охота на крупного мясного зверя, которая в степных условиях становилась особенно продуктивной при использовании верховых лошадей²⁷.

В тексте: Тоголуков. В. А. «Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири» считает, что настоящими «скотными эвенками» в XVII в. были лишь их южные группы, непосредственно соприкасавшиеся с монголоязычными скотоводами – собственно монголами и бурятами, от которых, заимствована и вся терминология коневодческо – скотоводческого хозяйства эвенков. Скотоводческая терминология, традиции и некоторые предметы говорят, что именно скотоводство было заимствованием у монголов. Например, скот били в большинстве случаев по-монгольски ударом ножа с последующем разрывом артерии сердца так, чтобы кровь оставалась во внутренностях²⁸.

В настоящее время крайняя ограниченность источниковой базы периода до середины XVII в. не позволяет достаточно полно и подробно рассмотреть вопросы эволюции хозяйства как эвенкийской этнической общности в целом, так и одной из ее частей – нерчинских конных эвенков, известных по русским источникам лишь с середины XVII в. Относительно этой группы, пока лишь в самой общей форме может быть высказано

²⁷ Степанов Н.Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в. // Ученые Записки пединститута им. А.И. Герцена. — 1961. — С. 122.

²⁸ Тоголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. — М., 1985.

предположение, что именно процесс освоения эвенкийским населением Восточного Забайкалья различных видов степного скотоводства, а затем и переход к нему как к основной форме хозяйственной деятельности лежит в основе формирования рассматриваемой этнографической группы. Различия в путях освоения этого вида хозяйства ее более мелкими локальными подразделениями отчасти обусловили некоторую культурную неоднородность, свойственную ей и на протяжении XIX – XX вв. Коренное население Юго-Восточного Забайкалья на протяжении XVIII – XX вв. разводило лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и верблюдов, причем две последние категории животных были немногочисленны. Видовая структура поголовья скота по управам Урульгинской степной думы к середине XIX в. имела некоторые различия. Так, у эвенков Онгоцонской управы конское поголовье превосходило, хотя и незначительно, поголовье крупного рогатого скота, очень близким было их соотношение и в Кужертаевской управе. В остальных управах держали больше крупного рогатого скота, чем лошадей, причем в равной степени это относилось как к кочевому, так и к оседлому земледельческому эвенкийскому населению, довольно значительному в этих управах уже к середине XIX в. Большую часть общего поголовья скота по всем территориальным группам нерчинских эвенков к середине XIX в. составлял мелкий рогатый скот.

Кочевание носило сезонный характер, основной перекочевкой был переход с летников на зимники и затем обратно. По свидетельству авторов конца XVIII в. эвенки располагают их в летнее время на холмах и открытых местах, или близ рек, речек, ключей и озер, в пространных междугорьях (падаях). Зимой же, по причине холода, останавливаются в лесах, или на покатосях и долинах, открытых к солнцу, и менее подверженных западным и северным холодным ветрам.

В летнее время скот, за исключением овец и коз, выпасали без присмотра пастухов. С появлением сенокосения и земледелия такая практика выпаса потребовала обязательного огораживания новых видов

сельскохозяйственных угодий – пашен и сенокосов. Возможно, первоначально, в конце XVIII в. изгороди сооружались отдельными хозяевами вокруг возделываемых ими участков. По сравнению с этим временем, когда «сенокошение было очень редкое, а хлебопашеством вовсе не занимались», к концу первой четверти XIX в. значение изгородей – поскотин для хозяйственной деятельности населения в связи с распространением в крае земледелия, вызвавшего сокращение необходимых для традиционного скотоводства угодий, возросло.

Содержание скота в летнее время у кочевого и оседлого земледельческого населения края было практически одинаковым: «на летнем выгоне скот пасли с мая по октябрь, держа в это время поскотины закрытыми. После окончания жатвы или сенокоса их частично разгораживали и до первого снега скот пасся на озимых и ветошах».

Большие различия были присущи зимовке. Основное из них заключалось в стационарном, стойловом содержании скота в зимнее время у оседлого населения, в то время как у кочевого остаются на своих местах жительства старые, малые и бессильные с остальным имуществом на коренных стойбищах и некоторым слабым, отделенным скотом для кормежа или имеющие мало скота, бедность. Основная часть поголовья скота кочевала и в зимнее время; маршрут и удаленность кочевки определялись климатическими условиями года; выпас в этом сезоне обязательно осуществлялся под постоянным присмотром пастухов. В зимних перекочевках со скотом участвовало, как правило, только взрослое мужское население.

В тексте Уваровой Т. Б. «Нерчинские эвенки в XVIII – XX вв.» говорится о том, что относительно такой важной характеристики скотоводческого хозяйства как заготовление кормов, сведения по нерчинским эвенкам крайне ограничены и отрывочны. В своде материалов обычного права упоминается о практикуемом ими сенокошении, но, по-видимому, оно не играло большой роли, так как даже в более поздних

источниках отмечается, что заготовка кормов в крае была крайне незначительной, особенно у кочевого населения²⁹.

Земледелие. Наиболее ранние сведения о земледелии у нерчинских эвенков относятся к концу XVIII в. Согласно источникам, новая форма хозяйственной деятельности в первую очередь начала распространяться среди тунгусов, принявших крещение, что было связано, конечно, не с изменением их религиозных воззрений, которые зачастую долго еще продолжали оставаться прежними, а с коренной ломкой традиционного уклада – переходом от кочевания к оседлости.

Не располагая данными для проведения какого-либо количественного анализа процесса распространения земледелия среди нерчинских эвенков в конце XVIII в. можно дать лишь описательную и в связи с этим весьма приблизительную характеристику эвенкийского хлебопашества того времени как ограниченного узкими рамками групп, имевших над собой постоянный контроль со стороны русской администрации в лице различных ее представителей – от священников до кадровых военных – содействие, которых распространению новой отрасли хозяйства зачастую могло перерасти в прямое принуждение без учета необходимых для занятия земледелием условий.

В местах, смежных с русскими, эвенки, не ушедшие в тайгу и ставшие безоленными, строили себе деревянные дома и перенимали от соседей навыки сельского хозяйства. Они приобретали лошадь, корову, разводили огороды, а некоторые из них выкорчевывали в тайге небольшие участки и распахивали землю под посев. К группам, занимавшимся сельским хозяйством, относились эвенки, оставшиеся на левых притоках Ангары и на Илеме, а именно вехнеленские, забайкальские, охранявшие государственные границы, а также безоленные, оставшиеся жить на левых притоках Амура.

²⁹ Уварова. Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII — XX веках // Российская академия наук. М., 2005.

Пробовали заниматься сельским хозяйством в XIX в. и отдельные эвенки на средних частях Алдана и Амги, но из — за летних ночных заморозков и суровых зимних морозов всходы погибали, и распаханые земли часто забрасывались. Ангарские эвенки сеяли ячмень, рожь, пшеницу, а в огородах высевали табак. В одном из отчетов комиссии о поездке в Сибирь в конце XIX в., где он подчеркнул особое трудолюбие крестьян — эвенков живших к югу от реки Чуки. На амурских притоках осевшие эвенки разводили относительно большие огороды, в которых высевали кукурузу, высаживали картофель, капусту и другие овощи.

Подсобный характер в хозяйстве эвенков имело и собирательство. Заготовка на зиму сараны более широко была распространена среди ангаро — ленских, забайкальских и верхнеамурских эвенков. Сарану сушили и толкли, чтобы печь лепешки. Черемшу и дикий лук засаливали в берестяных сосудах. Для летнего питания собирали ягоды и кедровые орехи. Запасов не делали, а излишки продавали соседним крестьянам. Некоторые старухи сушили черемуху, толкли ее и хранили в маленьких мешочках. Зимой ее ели как лакомство в разваренном виде и добавляли в тесто для лепешек.

Домашнее производство. В тексте: Ермолова. Н. В. «Эвенки Приамурья и Сахалина XVII — начало XX в» говорит, что домашним производством занимались все группы эвенков. Мужчины владели кузнечным мастерством, производили разнообразные поделки из дерева, рога, кости, изготовляли лодки, лыжи, нарты. Женщины обрабатывали бересту, шкуры животных и шили из них разные вещи. Необходимо отметить, что всякий вид новой работы, входивший в быт эвенков от соседей, был вначале мужским делом, потом уже становился женским. Поэтому, например, плетение сетей у одних групп эвенков считалось мужской работой, у других женской. Раскрой ножницами и шитье на машине,

появившейся у некоторых эвенков в конце XIX в., а также выпечка хлеба в русской печи в первое время были тоже мужской работой³⁰.

Кузнечное производство было известно эвенкам в период древних тунгусо-монгольских связей, о чем свидетельствует лексика. Почти все мужчины умели перековывать металл, а не которые из них добывали руду и плавил железо еще до прихода русских в районе средней части Ангары, на Вилюе и вероятно, в Забайкалье. Среди ангарских эвенков и их потомков с XVII в. они обменивались посудой своего дела с соседними группами.

В литературе XVIII в. уже не упоминается о добычи руды среди эвенков. Кузнечество являлось индивидуальным занятием. Умением перековывать старые вещи и выковывать новые обладало большинство эвенков. В каждой семье был свой «сэлэрук» – короб с инструментами для поделки необходимых в быту мелких вещей из металла, кости, рога и дерева. Наконечники стрел, острог, гарпунов, орудия для обработки шкур и мелкие украшения мог делать почти каждый мужчина. Но наряду с этим били и прославившие мастера этого дела. Они умели особенно хорошо выковывать ножи и пальмы, различные подвески для украшений для шаманского костюма, умели, и переделывать оружия.

Работали кузнецы только летом, зимой охотились. Угли для кузницы морили в яме. Рядом устанавливали горн из двух плит, между которыми разводили и поддерживали огонь, и ставили наковальню. Все остальное раскладывали на земле. Для защиты от дождя над рабочим местом на палках ставили навес из тисок. Работали кузнецы вдвоем: один ковал, другой нагнетал мехами воздух. В большинстве случаев в XVIII – XIX вв. кузнецы занимались перековкой из готового металла и литьем переплавленного свинца, который покупали в брусках от торговцев. Для изготовления мелких украшений свинец выливали в деревянные и каменные формочки. Заказы

³⁰ Ермолова Н. В. Эвенки Приамурья и Сахалина XVII – начало XX вв. – Л., 1984.

получали от соседей, которые платили вещами, или кормили кузнецов во время работы.

Почти все мужчины сами изготавливали из рога и кости такие предметы, как луки для седел, пряжки для привязывания недоуздка к седлу предыдущего оленя в караване, нащечные дощечки для недоуздков и крючки для пояса и упряжи, кольца или подобия колец для подпруги, ручки для разных инструментов, черенки для ножей, трубки, гребни. Для обработки материала пользовались топором, ножом и пилкой в виде узкой двусторонне зазубренной пластинки, вставленной в деревянную ручку. Обычно на эти предметы, сделанные из рога или кости, наносили геометрический орнамент. Прямые линии и точки делали ножом, в кружки и овалы — циркулем в виде палочки – ручки с двумя металлическими остриями.

Изготовлением предметов из дерева также занимались все мужчины. При этом они использовали следующие инструменты: топор, струг, нож, стружок для грубой стружки.

Эвенки с особым умением выделывали из дерева тонкие доски для лыж, полозьев охотничьих нарт, луков, коробов, придавая им самую различную форму. Сымские и верхнеленские эвенки изготавливали маленькие лодки долбленки, которыми пользовались во время охоты с воды. Аянские эвенки летом занимались изготовлением нарт для оленных эвенков, занятых зимой на грузоперевосках: один готовил полозья, другие все остальные части, а третьи связывали нарты. У среднеамурских эвенков было распространено полетение из травы циновок, черпаков, сеток для котлов и посуды

Обработка пушных шкурок являлась делом мужчин. Сложной работой была обработка пантов изюбра. У только что убитого зверя того перевязывали у основания рога. Затем отрубали голову и везли домой. Дома на месте перевязи подрезали кожу и топором отрубали от черепа лобную кость вместе с пантами. Если изюбр был убит вечером, то на ночь, чтобы до консервации рога не испортились, опускали их в холодную воду.

Существовали два способа консервации. Первый — панты прогревали над горячими углями, второй – пантыпарили кипятком.

К женским домашним занятиям относились обработка бересты и изготовление из нее тисок и различных предметов утвари, обработка шкур и пошив из нее одежды и бытовых вещей.

Инструментом для обработки шкур копытных зверей являлись разного вида скребки, кожемялка и нож для разрезания. Все они хранились в длинной, богато орнаментированной сумке и были постоянно под рукой. Если к обработке бересты допускались девочки 7 – 8 лет, которым разрешали снимать верхний тонкий слой кожицы и следить за выпариванием бересты, то в обработке шкур не только девочки, но и подростки участия не принимали. Для этого требовалась сила и ловкость взрослой женщины. Сразу после освежевания шкуру, очистив от жира, растягивали и сушили несколько дней; мелкие шкуры – с ног и с головы сушили на палочках – распялках, большие – с корпуса привязывали к раме или внутри чума к жердям. Затем, сидя на земле с одной вытянутой ногой, под которую была подвернута шкура и, держа двумя руками скребком, движением по направлению к себе скоблили мездру, постепенно передвигая шкуру. Потом ее промазывали смазкой из рыбьей печени или мокрой трухой, складывали и оставляли дня на два, после чего опять скоблили скребком. После этой обработки шкуру дымили для прочности, набрасывая ее на дымовое отверстие чума или на специальное приспособление «нуливун» - это высокая тренога с жердями, под которым разводили дымокур или широкий цилиндр из коры хвойного дерева с дымокуром. При этом следили, чтобы огонь не разгорелся. Некоторые эвенки дымили шкуру после разминания. Разминали «милкой» — это слегка изогнутая палка с зубцами на вогнутой стороне и двумя ручками. У некоторых групп вместо деревянных зубцов в древко вставлена металлическая пластинка с зазубринами. Если при первых обработках движения были прямые, вдоль вытянутой ног, то при разминании движения были круговыми: вытянутой правой рукой начиная от уровня левого плеча в

направлении правого бока делали круговое движение, сгибая правую руку в локте и подводя ее к правому боку.

Некоторые мастерицы, чтобы убрать остатки жира при разминании, посыпали шкуру крошками трухи, а в отдельных местах протирали смолой. От длительного копчения зависела непромокаемость шкуры. При изготовлении ровдуги со шкуры снимали шерсть. Для этого смачивали мех водой с крошками трухи и складывали, оставляя преть в течении нескольких дней. Затем на бревне с подставкой соскабливали мех гребнем. После соскабливания шерсти шкуру растягивали и привязывали на раму сушить. Дальнейшая обработка ее была такой же, как и обычной шкуры. Кроили шкуру ножом на доске без всяких выкроек. При шитье мехового орнамента к вещи вначале пришивали полосу или мелкие кусочки, а затем на доске отрезали лишние части. Сшивали шкуру и ровдуги сухожильными нитками. Для этого каждая хозяйка имела в запасе пучки разбитых высушенных сухожилий, снятых с ног или со спины оленя или лося. Нитки были не длинными примерно 50 см. Сшивали шкуру через край. В обуви и в одежде, чтобы не проникла влага, под швы подкладывали волоски подшейной шерсти оленя. Орнаментный шов – подшейный волос, наложенный на ровдугу и пришитый через край, — напоминал ряд белого бисера, не менял цвета и был очень прочным. Для украшения делали несколько рядов такого шва, а промежутки закрашивали черной краской.

Умели эвенки обрабатывать и рыбью кожу. Рыбьими кожами для изготовления мелких сумочек пользовались все эвенки, но сумки, сшитые из нескольких кож, встречались лишь у некоторых групп эвенков бассейна Енисея и у охотских. Кожу непотрепанной рыбы, очистив от чешуи, снимали, растягивали палочками и, зацепив за жердь чума, сушили день-два, а затем смазывали рыбьей печенью, размятой в теплой воде, и тщательно разминали. Некоторые эвенкийки кожи мяли, ударяя обухом топора. Охотские сидячие эвенки и эвенки с истоков Вилюя из рыбьих кож шили нижний «нюк» на чум.

2 Материальная культура эвенков

2.1 Средства передвижения

Оленный транспорт. В тексте Спасский Г. И. «О сибирской оленной и собачьей езде» говорит, что вьючные седла различались луками. Для эвенкийского типа оленеводства были характерны массивные невысокие округлые вверху не орнаментированные луки, и только у сымской группы роговые луки были небольшими, вверху заостренные. Для ороченского типа характерны высокие плоские и широкие деревянные орнаментированные луки. Ленчики вьючных седел почти целиком вкладывали в мешки с оленьей шерстью и обшивали так, что видны были только верхушки лук; нижнюю часть мешка, на которую опиралась вьючная сумка, простегивали. Такое седло укладывали на оленя обычно без подкладки. Этот способ обшивки вьючного седла встречался и среди некоторых эвенков, перекочевавших на Камчатку. Некоторые из подкаменнотунгуских и верхнеленских эвенков вьючное седло часто заменяли сложенной шкурой. Ватимо-олекминские и частично алдано-зейские эвенки шкурой обшивали только полки ленчика, луки оставались открытыми. У алдано-зейских наряду с обшитыми седлами были и необшитые, под которые всегда подкладывали кусок старой шкуры с мехом. Под эту шкуру всегда подкладывали еще, какую-либо старую шкуру.

Верхнее седло у орочан кочевавших по отрогам Яблонового и Станового хребтов, было максимально выработано и приспособлено к оленю. Оно состояло из двух роговых лук и деревянный полук, к середине которых вертикально привязывали крылышки в виде дугообразно изогнутого и колышком подпертого на середине прута или в виде дощечки, вырезанной дугообразно по верхнему краю. Полки ленчика вкладывали в мешки из шкур, в них, кроме того, набивали шерсть. Луки делали из кости; передняя более высокая. Изогнутая наружу, с заостренным верхом, задняя низкая, с овальным верхом. К седлу сверху прикрепляли шкуру с головы лося или

оленя, при этом переднюю луку оставляли открытой, а у задней открытым был только овал ее верхней части, к которому прикреплялись ремешки для привязывания вещей. В связи с тем, что на олене ездили без стремян, а седло лежало на лопатках, такое устройство седла было очень удобным. Садись на него с наскока, правой рукой опираясь на низкую палку, левой на переднюю луку седла. На бродах ездок упирался палкой в дно реки речки. Высокий же посох применялся только женщинами, ведущими караван, и служил для поправления съехавших на бок выюков, для чего на верхнем конце он имел медный наконечник, оканчивающийся крючком. На седле – «немэ» ездили все мужчины, женщины и подростки. Это седло распространено ороchанами, и оно дало эвенский, орочанский и негидальский варианты.

В тексте: «Петропавловской, Хатангской, Богоявленской, Усть-Абаканской церковью о миссионерской деятельности» говорится, что Енисейские эвенки (Сым, Елогуй, Ангара, Подкаменная Тунгуска и верховье Нижней Тунгуски) верховые седел не имели; у них, как правило, верхом ездили на выючных седлах только старые и больные, не могущие ходить³¹.

Для удобства женщины выючили маленькие сумки, обшитые камысами, благодаря чему сиденье несколько расширялось и ноги до колен лежали на седле. Ездили только с посохом. Запрещалось ездить верхом на оленях и у верхнеленских и амгуно – урмийскоко – чумиканских эвенков. При перекочевках они ходили пешком, а скарб зимой перетаскивали на шкуре – волокуше или на корытообразной нарте, припрягая охотничью собаку. Летом они перевозили скарб на оленях или в лодке по реке.

³¹ Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (ГКБУ «ГАКК»). Ф. 667 «Петропавловской, Хатангской, Богоявленской, Усть-Абаканской церковью о миссионерской деятельности» Д. 138., 1802 – 1909 гг.

Вьючные сумки были мягкими и на твердой основе. Мягкие шили из камысов и из шкур с головы, из лосиной ровдуги и из рыбьих шкурок, а прибрежные рыболовы на Охотском побережье из нерпичьих шкур.

Сумки на твердой основе делали из бересты, которую складывали коробом, с узким прямоугольным дном и расширяющимся кверху высокими бортами. Их плотно сшивали, и нижние части обклеивали сшитыми камысами, вверху окаймляли ровдугой, пришитой к камысам ³².

Нарты как один из способов передвижения. Езда на нартах для эвенков была нехарактерной. Появление ее зарегистрировано у некоторых групп в XVIII – XIX вв. Эвенки тундры, лесотундры упряжку самоедского типа заимствовали, судя по технологии, через русских и долган. К началу XIX в. такая же упряжка проникла и к сымской группе эвенков. Заимствовав ездовую упряжку, эвенки творчески приспособили ее к условиям тайги. Если в тундре и лесотундре упряжка была веерной, то в тайге у эвенков она стала парной с одним для двух оленей тягом, перекинутым через «баран», который добавлен к нарте самоедского типа. «Баран» это горизонтальная дуга; его привязывали к нащепам в месте соединения их с концами полозьев. Концы тяга были одновременно и петлями, их перекидывали через спину и пропускали между передними ногами оленя, где и застегивали сбоку на пуговицу, пришитую к тягу. Таким образом, при спусках олени расходились, а иногда и тормозили. Вожжа являлась продолжением недоуздка и проходила справа, как и у верхового оленя. Правый олень был и передовиком.

Нарта имела три пары копыльев, вставленных наклонно назад в пазы по всему полозу. Верхние концы полозьев вставлялись в массивные нащепы, которые суживались в передней части и вставлялись в пазы на концах полозьев. В пазы расширенных сзади нащепов вставляли две доски спинки.

³² Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (ГКБУ «ГАКК») Ф. 805 «Спасский. Г. И. О сибирской оленной и собачьей езде». Д. 430., 1803 – 1853 гг, Д. 430., 1803 – 1853гг.

Ербогоченские эвенки, привыкшие все сшивать, пришивали корнем черемухи к нащепу и доски спинки. На вязы, вплотную к нащепам укладывали и привязывали две – три продольные доски сиденья. Ездовые и грузовые нарты илимпийских и сымских эвенков незначительно различались по размерам. К ербогоченским эвенкам нартяная упряжка проникла в самом конце XIX в. Для них была характерна лишь ездовая заимствованная нарта, грузовая же отличалась от охотничьей только своими большими размерами. Грузовая нарта для перевозок жердей чума в тундре называлась, как и волокуша «*иривун*». На нартах эвенки ездили только, а большие расстояния. Лишь сымские эвенки летом перевозили на них необходимый груз.

Так же у эвенков транспортным средством для перекочевки служит корытообразная нарта «*игат*» или «*нат*», а за неимением ее коробообразия замороженная или засушенная старая шкура. Для перевозки скарба семьи, состоящей из 4 человек, необходимы 3-4 таких нарты. Одну нарту везет один человек. Женщины для облегчения припрягали еще собаку. Упряжка нарты состояла из лямок человеческой и собачьей при перевозке женщинами, или одной при перевозке мужчинами. Человеческая лямка состоит из двух петель, одеваемых на плечи и связанных за спиной, и двух концов, привязанных к углам передней части нарты. Длина потяги 2 – 3 метра. Собачья лямка состоит из широкого ремня, подбитого мехом, собственно лямка, которая одевалась на грудь собаки и проходит через спину. Чтобы лямка не ерзала, собаку прикреплен узкий ремень «*шилптын*», проходящий под передними ногами собаки и привязываемый к лямке с другой стороны. Лямка имеет на концах петли, к которым привязывается потяг «*шилгидавун*» длиной в 10 — 14 метров. Конец потяга привязывается к середине верхней передней перекладины нарты. Собачий потяг от нарты проходит между ног женщины, которая придерживает его во время ходьбы. Это дает возможность ровнее распределять тягу и управлять собакой. В правой руке обычно держат посох. Если кочуют по реке или по насту, идут пешком, по тайге и во время охоты обычно ходят на лыжах. Нарта «*игат*» формой напоминает корыто.

Тонкие доски для нее так же как для лыж, изготавливаются из прямой и сухой сосны или из березы при помощи топора и скобеля. Данная нарта, несомненно, заменила засушенную коробом шкуру, которая была характерна для эвенков в XVII – XVIII вв., но уже ближе к XX в. нарта полностью заменила засушенную шкуру.

Водный транспорт. В тексте: Кривошапкин. М. Ф. «Записки Сибирского отдела» говорит, что для районов где, которые были богаты березняком, характерна была лодка – берестянка. Между Обью и Енисеем, на притоках этих рек берестянку заменял хантыйский долбленный обласок. На Витиме, Олекме, Алдане, Амуре и их крупных притоках и частично на Нижней Тунгуске встречались дощатые плоскодонные лодки с одной и двумя бортовыми досками³³.

Берестянка небольшая по размерам на 1 – 2 человека предназначалась для быстрого передвижения по реке с переносом ее через массы и для охоты с воды. Ее же использовали при добывании рыбы лучением и стрельбой. Для рыболовства пользовались долбленками – эвенки с притоков Амура, дощатыми лодками – только на Олекме, а на Амуре – берестянка больших размеров. Способы приготовления бересты сшивания е полос, изготовления каркаса и надевания на него берестяного чехла были у всех эвенков одинаковыми и несколько отличались от способов нижеамурских тунгусоязычных народностей. Обработка бересты и сшивание полос было раньше делом женщин; заготовка каркаса и надевание на него чехла — делом мужчин. Весной чаще женщины, реже мужчины ножами срезали бересту с дерева.

Долбленки-обласки сымских эвенков служили для быстрого переезда, на них же ездили летом на ночь за рыбой. В дереве вырубали, углубление

³³ Кривошапкин М. Ф. Записки Сибирского отдела. – Иркутск, 1863.

при помощи струги или топора, заливали водой, распаривали горячими камнями и ставили в специальные правила так, чтобы острые и не выдолбленные нос и корма приподнялись, затем отесывали внутри и снаружи. В обласке были три перекладыны – распорки. Гребли одним веслом с длинной, тонкой, узкой, листообразной лопастью и маленькой перекладыной – ручкой на конце.

Плоскодонки или «дощанки» делали из 3 – 4 досок. Для плавания на больших реках количество досок увеличивали. На носу и корме бортовые доски соединяли под острым углом, а эвенки со средних притоков Алдана на корме вставляли еще короткие поперечные доски и укрепляли их деревянными шипами. Внутри ставили 3 – 5 поперечин – распорок; сидели на дне или на дощечке, положенной на дно, гребля двухлопастным веслом. Плоскодонки имелись только у эвенков, которые жили на одном месте в деревянном доме и летом постоянно занимались рыболовством.

В тексте, по словам, Антропова В. В. «Водные средства передвижения» килевые лодки имели дно из 4 досок, сбитых не в одной плоскости, а под углом. Нос лодки делали приподнятым. Килевые лодки служили главным образом для рыбалки с сетями и для переездов по морю. Гребли одной – двумя парами обычных однолопастных весел, управляли рулевым коротким веслом³⁴.

³⁴ Антропова В.В. Водные средства передвижения // Издптельство Академия Наук СССР. — 1961. — 48 с.

2.2 Жилища, стойбища, хозяйственные постройки и утварь

Стойбища. Временные стойбища оленных эвенков назывались «*урикиит*», а постоянные чаще всего зимние стойбища назывались «*мэнээн*». Стойбища западных, а также крайневосточных эвенков с эвенкийским типом оленеводства бывали относительно многочисленными только с периода отела и до конца периода мошки, или созревания ягод. В остальное время эвенки кочевали одной — двумя семьями. Об этом упоминается во всех работах XVIII – XX вв. Зимой семьи их жили на стойбищах – «*мэнеэн*». Летнее стойбище западных эвенков было вызвано необходимостью ухода за оленями. Эвенки восточных горных районов, а также тундровые эвенки илимийской группы с орочонским типом оленеводства тоже съезжались в это же время, чтобы на горных пастбищах не давать разбегаться объединенному стаду на большие расстояния. В остальное время они кочевали с оленями по 2 – 3 семьи и жили на стойбищах – «*урикиит*». Обычно объединялись в одно стойбище семьи, находящиеся во взаимобрачных отношениях.

Эвенки с эвенкийским типом оленеводства для летнего стойбища выбирали место в сухом бору около ручья или речки. Большую ровную площадь, на которой могли поместиться все олени, оставляли пустой, вокруг ставили чумы с дымокуром против каждого. Внутри такого сооружения разводили костер и время от времени покрывали его мхом. Деревья постоянно тлели, поэтому под костром всегда была горячая земля и накапливалось много пепла, в котором пекли хлеб. Вокруг «*гулувун*» в землю втыкали палки, чтобы олени не шагнули в огонь, а над ним для подвешивания котла, чайника втыкали наклонно в землю палку с суком или треногу, или длинную лесину, опирающуюся на развилку у костра. В жаркие дни все олени скапливались на стойбище и расходились только на ночь. На стойбище жили до тех пор, пока олени не перетапывали всю середину его. Затем подыскивали новое сухое место и откочевывали.

Эвенки с ороchonским типом оленеводства после периода отела оленей перекочевывали на горные меховые пастбища Витимского и Олекминского плоскогорий или на открытые горные тундры на острогах Яблонова и Станового хребтов и хребта Миддендорфа. Стойбище обычно устанавливали около деревьев, которые небольшими группами росли у истоков рек. Чумы ставили рядом, а если собирались несколько семейств, то полукругом. Оленям устраивали теневые навесы. Для этого срубали невысокие лиственницы, ставили их по полукругу и соединяли кронами.

Все тяжелое и ненужное для летних кочевков оставляли на лабазах, которые ставили в узких лесных долинах на территории зимней охоты. Эвенки, кочевавшие к западу от Енисея, весной, после периода отела, составляли нарты в ряд, укрывали их шкурами и перевязывали ремнями, а сами с одной или двумя нартами и караваном вьючных оленей отправлялись в летние кочевки по борам.

Жилища. Основное жилище, которое будет характерно для сибирских народов это конический чум. По конструкции и типу покрышек тунгусский чум был ближе к алтайскому и тувинскому. В основе его остова имелись две жерди «сона», воткнутые в землю, они опирались друг на друга при помощи выемки на конце или оставленного в верхнем конце одной из них сучка, и не было ни каких дополнительных частей в виде внутреннего обода, петли или отверстия в одной из этих жердей, внутреннего обода, петли или отверстия в одной из этих жердей, характерных для самоедской и кетской конструкции. В основе остова тунгусского чума не имелось и обруча, соединяющего сверху основные жерди, что было характерно для конструкции якутской «урасы».

Легкий конический чум имел незначительные варианты в устройстве основа, на которую опирались жерди. У сымских и аянских эвенков основа остова составлялась из двух более толстых оструганных жердей. Верхний конец одной опирался на развилку конца, остальные жерди одинакового размера опирались на них. У сымских эвенков летом этот чум не имел

срединной жерди, так как эвенки все делали вне чума и костер в чуме днем служили для дымления шкур, которые набрасывали на верхнее соединение, а по вечерам для освещения. В зимних чумах к двум основным добавляли срединную жердь – «чимка», к которой привязывали передний конец поперечной жерди.

У эвенков между Енисеем и Леной и у кочевавших в районе Лены основа для остова состояла из 4 – 5 жердей, остальные жерди опирались на эту основу. У витимо – олекменских и амурских эвенков основа остова состояла из 2 — 4 «турувун» и одной срединной жердей. Верхние концы основы остова они подрубали на одном уровне. Некоторые из эвенков, живших рядом с якутами, связывали вверху основные жерди. У алданских эвенков многочисленные хозяйства имели большие чумы с двумя срединными жердями, которые устанавливали перед очагом. Поперечные жерди привязывали к ним. Общее количество тонких жердей колебалось от 10 – 30 и до 20 – 40. Высота чума от 2 – 4 метров, диаметр – от 3 до 6 метров. У эвенков подсчет жердей и установка большого количества их прежде были запрещены.

Вторым коническим жилищем, характерным для потомков «сидячих» эвенков, был корьевого чум – «голомо» который устраивали на постоянном стойбище. В таком чуме прежде семья жила только зимой, поэтому у восточных эвенков он называется также «тугэдек» что означает зимник. Сооружали его из плах расколотых пополам нетолстых стволов. Основу остова составляли, как и в чуме, из 4 – 5 плах их прислоняли к друг к другу или связывали вверху, в промежутках между ними в землю втыкали высокие жерди с развилками на верхних концах. На развилку горизонтально накладывали нетолстые, разрубленные пополам короткие плахи, концы которых опирались на основные жерди. К этим поперечным плахам прислоняли в плотную остальные плахи, затем снаружи внизу окапывали землей, обкладывали сверху дерном, а зимой еще снегом. Некоторые из эвенков ставили жерди не вплотную, и остов покрывали снаружи корой

лиственницы, придавляя ее толстыми палками. Между входными жердями этого чума устраивали порог, закладывая нижнюю часть входа на высоту до 1 м плахами. Зимой уровень снега доходил до высоты верхней плахи. Дверное отверстие завешивали куском старой ровдуги, шкуры или ткани. Таким образом, чтобы войти в жилище, нужно было спрыгнуть с порога. Иногда внутри ставили обрубок, а сбоку от входа в плахе или в коре вырезали маленький квадрат. Такой способ устройства жилища, возможно, является пережитком очень древней традиции населения каменного века, устраивавшего жилище над углублением. Внутреннее устройство жилища – «голомо» не отличалось от устройства чума – «дю». У манегров, остов жилища – «утэн» сооружался из жердей, переплетенных ивовыми прутьями. Линденау в середине XVIII в. Видел у охотских тунгусов зимник – «утэн», заваленный землей, с плоским верхом и входом через дымовое отверстие.

В тексте: Василевич. Г. М. «Уганд – жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов» говорится, что корьевое жилище как его называли «угдан» распространено было распространено среди всех джугдырских эвенков и устраивается главным образом на летних работах (рыбалки, лесозаготовки) а в настоящее время, когда эвенки начали оседать в селах с русскими «угдан» использовалась как летняя спальня и кухня рядом с деревянным домом³⁵. Название жилища «угдан» иного корня с названием коры, что означает буквально «корьевик». Жилище «угдан» имеет прямоугольное основание и наклонные стенки, крыша плоская, с наклоном или двускатная. Остов чаще строят из шести жердей вбитых в землю: четыре жерди по углам, две посередине передней и задней сторон; к угловым жердям приставляют еще по одной жерди тоньше. Все верхние концы жердей имеют выемки. На средние накладывают матицу, на боковые жерди накладывают жерди, а на крайние опирают стропила. Весь этот остов покрывают пластами лиственничной коры, которые иногда бывают

³⁵ Василевич Г. М. Уганд – жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов. – Л., 1963. – С. 10.

составными. На передней стороне оставляют отверстие для дровки и рядом с ним в передней стене вырезают отверстие для трубы железной печи. Дровкой служит полоса коры или занавеска. Впоследствии с тем как русские оказывали сильнейшее влияния на эвенков жилища «угдан» совершенствовались. Совершенствование шло в направлении устройства сруба, первоначально он был 0,5 м, впоследствии он увеличивался в высоту, высота достигала человеческого роста. Следующий этап усовершенствования связан с постройки крыши и пола.

Среди сымских эвенков и оякученных эвенков, которые жили в нижней части Лены, существовал еще один вид временного куполообразного жилища. Сымские эвенки называли его «марма» и строили на 1 — 2 ночевки при перекочевках в енисейских притоках. Нижнеленские эвенки ставили его только летом. Для этого жилища вырубали тонкие березки, оставляя в верхней части сучья. Березки втыкали по две штучки в противоположных частях окружности, концы с веточками соединяли, перематывая таким образом, чтобы сверху получилось подобие купола. Верх покрывали 1 — 2 берестяными тисками, бока — «нюком» с чума. Внутри разводили костер, а дым выходил через отверстие.

У эвенков имелся еще один вид жилища «калта». Первое описание его относится к удской группе сидящих эвенков. В XVIII в., по сообщению Линденау, это постоянное жилище, построенное на манер «калта» ламутов и охотских тунгусов, встречалось у тунгусов на Амуре, Амгуни и других реках. Оно строилось из бревен, было четырехугольным и высоким, снаружи заваленным землей и глиной. В нем имелись большие окна и слева, около двери, печь с вмазанным котлом. Широкий дымоход печи проходил по земле вокруг всего помещения и был вынесен наружу справа от входа. Данное сооружение практически напоминало обычную русскую избу, в которой с легкостью умещалась семья, состоящая из 8 человек.

Хозяйственные постройки малохарактерны для эвенков к ним относятся свайные «лобазы», сооружения для оленей. Лобазы строились на

высоких сваях. В древности они служили жилищем, которые пеший охотник устраивал для семьи на то время, пока он ходил за зверем. Такое жилище защищало семью от хищников и врагов на него подымались по бревну с зарубками, которые на ночь втягивали за собой наверх.

В тексте: Мессершмидта Д.Г. «Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве» говорит, что эвенки различали две разновидности лабазов: «неку» — площадка из накатника, наложенного на балки, укрепленные на сваях и «дэлкэн» на такой площадке устанавливали сруб 2 — 4 венца, куда складывали вещи. Сруб сверху покрывали тисками или двускатной крышей из листовенного корья или досок. Некоторые из эвенков в таких лабазах делали маленькую дверку³⁶.

Из других хозяйственных сооружений, хотя и не имевших непосредственного отношения к самим стойбищам, следует отметить лабазы «юмгуло» и «ноку дзептылэрук», которые, как отмечено, использовались во время охоты на копытных по насту. По своему внешнему виду и способам сооружения эти лабазы, в общем — то аналогичны всем известным нам свайным жилищам, как продуктовым, так используемым для хранения одежды. Как правило, стационарные, постоянно используемые лабазы этого типа, встречались в районах общих для постоянных осенних зимних и весенних стойбищ.

Утварь. Эвенки в основном пользовались берестяной утварью, реже деревянной. Внутри жилища помещалось лишь самое необходимое. Все остальное хранилось снаружи во вьючных сумках и около чума

Для всех тундроязычных народов было характерно шитье сосудов, коробок, а также колыбелей из бересты или из одной — двух досок. В основе

³⁶ Мессершмидт Д. Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве. – Абакан, 2012. – С. 123.

шитых сосудов чаще всего был прямоугольник невыделанной бересты, сложенный коробом и скрепленный на местах сгибов черемуховым корнем или ивовыми вицами. Этот вид сосуда с низкими стенками и различных размеров прямоугольным дном предназначался для хранения мяса и рыбы, использовался он и как таз для умывания. Принцип складывания коробом прямоугольного куска бересты распространился и на все другие формы сосудов, а также на берестяную колыбель.

Для изготовления вещей, сложенных из одного куска бересты, вначале тупым концом ножа намечали на прямоугольнике бересты размер дна, который зависел от назначения предмета. Затем края складывали и закрепляли так, чтобы боковые стенки стояли либо вертикально или наклонно снаружи или наклонно внутрь. Маленькие куски бересты складывали без обозначения дна и сшивали с боков, подравнивая края или так, чтобы один край покрывал второй. Для изготовления колыбелей продолговатые куски бересты складывали так же, как для изготовления «чумана», с той разницей, что кроме складок по краям, на середине дна намечали линию, по ней его сгибали внутрь, а затем зашивали складки в центре бортовых краев. Таким образом, берестяная колыбель напоминала изогнутый короб. По краям бортов для прочности пришивали узкий деревянный ободок. Мелкие предметы сшивали сухожильной ниткой, крупные черемуховым корнем. Сосуды, часто употребляемые, шили из двух слоев. Наиболее тщательно изготовляли и всячески украшали рукодельные коробки и вьючные сумки.

Коробки для рукоделий у енисейских эвенков назывались «авса». Основа их шилась из одного куска бересты или из тонкой деревянной доски. Коробки имели квадратное, прямоугольное или шестиугольное дно с округлыми углами и крышку, накладываемую сверху. Остов, обтянутой ровдугой, украшали полосками из ткани, расшитой бисером. К востоку от Лены – Байкала такие коробки назывались «муручэн» и имели круглое или овальное дно. Украшали их прошивкой жгутиковым швом. Сымские эвенки

украшали свои коробки берестяной накладкой на подложенную одноцветную ткань. У всех коробок ровдужная горловина держалась на вздержке. У средних амурских эвенков коробки имели вкладывающуюся плоскую или конусообразную крышку. Крайневосточные эвенки предпочитали для женских рукоделий делать сумки — портфели из бересты с вышитыми боками, также орнаментированные тиснением или сделанные из камысов с орнаментом из мелких квадратиков белого и желтого меха.

Для изготовления мужских коробок и колыбелей приготавливали тонкие хорошо выструганные доски. Их распиливали, изгибали дугой, кругом или овалом и просушивали в правилах. На соседние изогнутых досок были перенесены навыки шитья посуды и предметов их бересты. Дерево сшивали черемуховыми корнями.

2.3 Одежда

Верхняя плечевая одежда. Этнографическая беллетристика, приуроченная к народам Сибири, не выделяется досконального описания покроя и пошива обуви, позволяющего выявить ее классификацию. Вследствие этого в качестве материалов для типологии одежды могут быть использованы только музейные коллекции, рисунки и некоторые фотоснимки. Ведущей особенностью общеэвенкийского костюма, бросавшейся в глаза всем путешественникам, была его составность: не сходящийся на груди кафтан, подвешенный на шею, натазники, ноговицы, унты. Они обращали внимания и на то, что кафтан и нагрудник одевались на обнаженное тело, а также что весь костюм имел большое количество украшений.

В тексте: Мессершмидт Д.Г. «Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве» дал первое описание костюма эвенков с Нижней Тунгуски. Немецкий медик и ботаник на русской службе, «один из сподвижников Петра I по исследованию России». Руководитель первой научной экспедиции в Сибирь. Он писал об одежде

ербогоченских эвенков следующее: одежда у них мукольканы вместо шуб, из половинок, унизанные бисером зеленым по черным и других цветов китайным полосам, «торбазы» нагрудники с бисером, а также шапочки с оловянными маленькими кружками; женские же шьют пестрые шубы из оленьих кож на грудях же имеют сделанные от своих шаманов наподобие «лягуш» и «рожи», зделанные диавольски из железа и олова. В зимнее время шапок и рукавиц теплых, с каким-нибудь платьем не имеют³⁷.

Кафтаны. Самой распространенной у всех групп эвенков была парка, которая кроилась из одной цельной шкуры. Это была короткая шуба с прямыми сходящимися полами, завязывающимися на ровдужные шнурки. Отдельно выкраивалась спинка в талию. По такому же крою шили парку из ровдуги и сукна, украшая ее полосами цветной ткани. Современные эвенки шьют парки глухого покроя, удобные для дальних поездок и длительного пребывания на морозе. меховая парка не имела украшений. Среди разнообразия зимних меховых кафтанов западных эвенков можно выделить кафтаны с клинообразным подолом, или хвостом «иргинды». Шов на линии пояса подчеркивается орнаментированной полоской.

Передняя часть кафтана более короткая, спинка длиннее. Верхняя часть спинки сшита из темно-коричневого меха и отделана вертикальными вставками из белого «камуса» по линии проймы рукавов. На ней на уровне лопаток вшита вставка из светло — коричневого меха, орнаментированная по краям полосками белого меха и имеющая форму клина — пятиугольника с направленным вниз острым углом. Нижняя половина сшита из чередующихся полосок темного и более светлого оленьего меха, повторяющих клинообразное очертание подола. Подол завершается опушкой коричневого меха и бахромой длинного белого козьего волоса. Рукава широкие у проймы и сужаются книзу. Рукава у запястья украшены рядами

³⁷ Мессершмидт Д. Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве. – Абакан, 2012. – С. 123.

чередующихся полосок темно — коричневого и белого оленьего меха. Плечевой шов рукава вшита узкая полоска козьего меха с длинным волосом. Декоративное богатство придают кафтану кисти из длинных, достигающих вниз до подола пучков конского волоса и ровдужных ремешков, равномерно пришитых по линии пояса. Швы подчеркнуты голубым бисером. Длинные ленты из ровдуги и из красной ткани свисают также и с основания клина-пятиугольника.

В тексте: по мнению известного российского путешественника, Геденштроп. М. М «Отрывки о Сибири» пятиугольный клин на спинке из другого меха является следом третьей шкурки в составе раскроя кафтана и подтверждает ее гипотезу о южном происхождении эвенков. Он считает, что группа тунгусов, обитавшая в бассейне Ангары и горных районах восточных Саян, охотилась на мелких копытных (коз, косуль). Из их шкур шили кафтаны. Верхнюю часть кафтана и вставку на спине выкраивали из трех небольших шкурок. Позже, перебравшись на север, эвенки стали шить одежду из шкур крупного северного оленя, но при этом сохранили особенности старинного покроя, характерного для мелких шкур. Это еще раз подтверждает устойчивость традиционных приемов кроя и орнаментации изделий народного искусства. С другой стороны, принцип подобного размещения цветных пятен и орнаментированных полос на спине, на лопатках имеет более глубокий смысл. Связь декора одежды с костяком человеческого тела имела сакрально — магическое значение оберега у многих народов Сибири. Защита лопаток является обязательным элементом и в одежде сибирских шаманов³⁸.

Нагрудники. Языковидный нагрудник свойственен для западных эвенков и сочетается с кафтанами с иргинды, т.е. с хвостом. Его носят как мужчины, так и женщины. Шьется из ровдуги и украшается бисером,

³⁸ Геденштроп М. М. Отрывки о Сибири // Типография медицинского Санкт-Петербургского департамента министерства внутренних дел. – 1850. – 178 с.

полосками разноцветной ровдуги, меха оленя. Орнаментация нагрудников отличается большим разнообразием. За редким исключением орнамент располагается симметрично относительно вертикальной оси нагрудника.

Мужской нагрудник внизу заканчивается клинышком. Как правило, мужской нагрудник обрамляется бахромой из козьего меха или из белого конского волоса, начиная с пояса и заканчивая подолом. Среди женских нагрудников клиновидное завершение редко встречается. Обычно они орнаментируются полосками из разноцветных тканей, чередующимися с полосками ровдуги и жгутиками подшейного волоса оленя.

Пояса. Пояса, орнаментированные бисером, мужчины одевали сверх нагрудника под кафтаном через правое плечо к левому боку и подвешивали к нему ножи в ножнах, трубки, кисеты для табака, огниво. Женщины одевали пояс поверх кафтана и прикрепляли к нему различные предметы женского туалета, как например, расшитые кисетики, игольницы и разные необходимые мелочи.

Наиболее характерными для всех групп эвенков были пояса в виде ровдужных полосок с округленными концами, сплошь расшитые бисерными линиями. У Туруханских эвенков встречаются более широкие суконные пояса с прямым срезом концов. Низками бисера они разделяются на ритмически повторяющиеся секторы, заполненные крупными орнаментальными мотивами тройных шевронов и кругов из бисера.

Головные уборы. В тексте: Идес. И. «Записки о Русском Посольстве в Китай (1692-1695)» говорил, что головные уборы раньше были характерны, по – видимому, только для обрядового костюма. Для охоты эвенки надевали на голову шкуру козы, косули или молодого оленя с рогами и ушами³⁹. Головной убор в виде капора, сделанного из шкуры с головы сохранялся на Подкаменной Тунгуске еще в начале советского периода. «Авун» называлась

³⁹ Идес Э. И. Записки о Русском Посольстве в Китай (1692-1695) // Главная редакция восточной литературы. - 1967.

женская шапка, которая также шилась из шкурки с головы. Она состояла из двух наушных полос и одной продольной, покрывшей темя и затылок. Шапка оторачивалась полосками из меха пушного зверя. Наушные части были украшены бисером орнаментом и подвесками в виде кисточки из ремешков с нанизанными корольками. У илимийских эвенков такая шапка позже стала мужской. Имелись у эвенков шапки еще одного фасона — «авун». Они различались из венца, соединенного двумя перекладами. Через отверстие выпускались волосы.

Обувь. В тексте: как отмечает Василевич. Г. М. «Типы обуви народов Сибири» обувь у всех групп эвенков представляющая варианты и того же типа рабочих унтов «олочи» наиболее четко отразила общность древней пешей охотничьей культуры. В вариантах несколько видоизменной обуви соседней отразались связи эвенков с разными группами народов Сибири. У всех эвенков к XX сохранились ноговицы «арамус», унты и травяная стелька. У конных охотников Забайкалья и Среднего Приамурья эта обувь была преимущественно частью промыслового костюма. Материалом для обуви служили камысы, ровдуга и очень рано вошедшее в быт сукно. У некоторых групп обувь делали из рыбьих шкурок. Раскрой обуви был единым как для взрослых, так и для детей. Женская обувь отличалась от мужской большим количеством украшений.⁴⁰

Ноговицы представляли собой отдельные штанины, выкроенные в виде расширявшихся к верхнему краю полос, сшитых сзади. Вязками, прикрепленными к верхнему переднему краю, их подвязывали к поясу, внизу укладывали вокруг лодыжки. Унты надевались поверх. Для зимних унтов ноговицы у лодыжки обвязывали ремешком. Шили их из ровдуги или из сукна с ровдужной каймой внизу. Высокие меховые унты надевали при

⁴⁰ Василевич Г. М. Эвенки Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л., 1969. – С. 64.

перекочевке, а лесотундровые очень редко – на охоту во время сильных морозов.

Тунгусские унты были охотничьей обувью, выросшей из поршня – овального куска камыса с прорезями по края, в которые продевали ремешок и обвязывали вокруг лодыжки. Такой поршень с более высоко или менее высоко загнутыми краями сохранялся вначале XX в. Подъем покрывали небольшим носком, пришитым к сборам поршня. Интересно, что этот вид обуви у урумийско – амгунских эвенков называли «*локоми*», так же как летнее – осенняя охотничья обувь всех эвенков с бассейна Енисея. У всех групп к востоку от Лены и Байкала обувь называлась «*олочи*». Прежде они всегда имели поршень из камысов, обращенных мехом наружу, что уменьшало скольжение по камням при переходе через горные речки. Эта обувь делалась с коротким голенищем, выкроенным из одного куска.

Кроме промысловых унтов, у эвенков были повседневные ровдужные унты с защитным голенищем до колена. У эвенков к западу от Лены голенище и носок пришивали к поршню. К востоку от Лены вместо поршня была кроеная подошва, и голенище с носком к ней пришивали внутренним швом через край.

Обувь из камысов различной высоты — от низких до высоких, на всю ногу – у всех групп состояла из трех частей: подошвы, сюзок и голенища из четырех полос – передней, мысом проходившей по подъему до подошвы, двух боковых и задней. Но наряду с этим покроем встречались и другие. Так, в обуви подкаменно и нижтунгусских эвенков пара сюзок, сшитых спереди, окаймляла подошву в виде вертикально стоящего ободка, а от носка к ней добавляли еще вторую пару в виде двух коротких маленьких клиньев. При общем раскрое унты из камысов имели и свои отличия по группам, выражавшиеся в способах и месте украшения передка.

2.4 Пища и напитки

Мясная пища. В тексте: Попов. Н. А. «Пища тунгусов» говорится, что в рацион питания всех эвенков в конце XIX в. Входила мясная пища, по сезонам чередовавшаяся с рыбной и растительной. Поскольку эвенки – охотники вели преимущественно бродячий образ жизни, заготовка запасов на длительные периоды для них не была характерной. Поэтому на охоте и на рыбалке выработались навыки не убивать больше того, что нужно для питания в ближайшее время. Эвенки не признавали мяса и рыбу в квашеном или соленном видах и даже отбрасывали слегка обгорелые при жарке на вертелах куски. Как и соседи, они иногда ели мясо и рыбу в сыром виде. Воду пили обычно пили кипяченую, горячую. К холодной воде при сильной жажде прибегали только охотники во время охоты гоним. Привыкнув к вкусу слегка обжаренного или поваренного мяса, эвенки не признавали приправ. Когда в одной семье жило одно поколение, пищу готовили на всех сразу⁴¹.

Питание производилось 4 раза в день через точные промежутки времени. Первые две трапезы были легкими, вторые две – более основательными. Прежде принимали пищу у костра, позже этот обычай сохранился только как ритуальный. Перед едой пили чай или кипяченую воду, с каким – либо суррогатом чая. Любой подошедший к началу трапезы мог участвовать в ней наравне с остальными.

Разнообразие пищи определялось сезонами. Весной, в марте, апреле, преобладало мясо парнокопытных и медведей, чередовавшиеся с небольшим количеством дичи. В мае – июне иногда добывали рыбу, а с половины июля к мясному или рыбному питанию добавлялись свежие ягоды. С начала сентября количества мяса увеличивалось, и к нему добавлялся кедровый орех. В октябре – ноябре основным питанием служила бродячая дичь,

⁴¹ Попов. Н. А. Пища тунгусов / Н.А.Попов // Восточно – Сибирского отдела Русского географического общества. — 1938. — 32 с.

чередовавшаяся с мясом парнокопытных и медведей, изредка с рыбой. Только в декабре-январе основой питания становились сухие запасы мяса и рыбы. Все эвенки предпочитали мясо диких мясу домашних оленей.

К местным продуктам со временем знакомства с русскими, кроме чая, эвенки стали добавлять хлеб в виде печеных колобков и лепешек. Эвенки иногда ели мяса волка и пушных зверей, а из птиц мяса гагар, лебедей и разного рода цапель и аистов, не употребляли в пищу мясо собак.

Разделка туш домашних и диких оленей, так же как и других парнокопытных, имела незначительные варианты. При свеживании кости никогда не перерубали, а отрезали ножом по суставам. Разделку всегда производили на толстой подстилке из тальника и следили за тем, чтобы кровь не стекала на землю и чтобы собаки ее не лизали. Чтобы шкуру можно было снять, ее разворачивали для этого между задними ногами в коже ножом делали поперечную прорезь, затем разрезали шкуру по брюху до шеи, прорезали в суставе левую заднюю ногу, прорезали через брюхо в длину пузырь брюшины, вынимали желудок, кишки, печень, сердце и легкие вместе с горлом, отрезали левую переднюю ногу, поворачивали тушу, отрезали правую переднюю ногу, отделяли от ребра от позвоночника и отрезали правую заднюю ногу, затем отделяли голову и разрезали позвоночник на части. Илимийские эвенки, отрезав переднюю ногу, делали надрез на животе у окончания ребер, снимали пленку, облегающую желудок, слегка надрывая пальцами, чтобы удобнее было откинуть на сторону. Затем вынимали печень, надрезали перепонку, отделяющую сердце и легкие от желудка и кишок, делали продольный разрез в грудине и вынимали сердце и легкие вместе с горлом. После этого выбрасывали из желудка содержимое, выбирали из него черпаком всю кровь и рожком скрепляли прорез. Далее по частям отделяли ребра, начиная с коротких и оставляя шейные ребра. Обрезали по суставу заднюю ногу, грудину и ногу, переворачивали тушу на другой бок, отрезали ноги, отделяли заднюю часть и ребра другой стороны.

В сыром виде ели только костный мозг и хрящи только что убитого зверя или оленя. Одним ударом тупого края ножа ловко раскалывали кости в длину. Так как еще не остывший мозг считался особым лакомством, его обычно давали детям или гостям, разложив мелкими кусочками на грудке вареного мяса. Взрослые лакомились хрящами из-под коленной чашечки, носовыми и с рогов, предварительно опалив последние. Некоторые из охотников при свеживании ели сырую печень и сердце.

Все части туши шли на питание, не ели только легкие и глаза. Последние очень аккуратно вместе с нервами вынимали из орбит и подвешивали в чуме к жерди как талисман, перевозя с собой во время перекочевков. Запасы приготавливали только из мясных излишков. Мясо заготавливали на зиму в сушеном над огнем и вяленом на солнце видах. Во время мороза крупные куски мяса замораживали. Для сушки резали узкими полосками сырое или слегка отваренное мясо и развешивали на солнце на перекладинах, укрепленных на суках, или раскладывали на ивовой плетенке, которую укрепляли над очагом в чуме. Сушеные кусочки назывались «хуликта». Некоторые из эвенков изготавливали из них муку, раздалбливая на камне обухом топора. Длинные кости обычно складывали на невысокий лабаз.

Основными способами приготовления мясной пищи у всех эвенков были, варка в воде без приправ с очень незначительным количеством соли и обжаривание без соли на рожне. Варили недолго, чтобы вареное мясо сохраняло сок в зависимости от сорта мяса рожны ставили на разном расстоянии от огня. Мелкую дичь и мозги обжаривали на рогульках, сделанных на конце палочки. Лакомыми частями мяса считались головной мозг, мясо из-под спинных сухожилий или с задних частей, язык и почки. Языки, если их было много, предварительно коптили.

Вареное мясо ели, запивая бульоном, разлитым по чашкам. Провяленное в течение 3 – 5 дней мясо «хуликта» обжаривали на вертеле или, раздолбив, смешивали с голубицей. Это блюдо называлось «кулнин».

Вяленое на солнце в течение 2 – 3 дней мясо слегка подкапчивали над очагом и ели, смешав с брусникой. Оно называлось «*тэлик*».

Собранную в пузырь кровь долго хранили, при варке мяса ее добавляли в бульон, одновременно взбалтывая. Получался белый густой суп – «*нимин*». Летом в него добавляли голубицу и молоко. Некоторые обжаривали желудок, наполненный кровью.

Оленьё молоко обычно пили с чаем и заливали им мучную кашу, размятые ягоды. Если же молока было много, восточные эвенки ставили в котел с кипящей водой посуду с молоком и варили последнее до загустения. Загустевшее молоко ели с хлебом. Некоторые эвенки сбивали молоко в бутылке для получения масла.

Из частей туши готовили колбасы. Колбасы были с жиром «*кучи*» и кровяные «*буюксэ*». «*Кучи*» делали из толстой кишки, покрытой снаружи жиром. Промыв кишку, ее выворачивали, и жир оказывался внутри. Такую колбасу обжаривали целиком на вертеле или кусками на сковороде, иногда коптили над огнем и ели сразу по приготовлению. «*Буюксэ*» делали из тонких кишок. Промыв их выворачивали, наполняли кровью и перевязывали на концах, затем варили в кипятке или коптили над огнем. «*Хрящи*» изготавливали из тонких хорошо вымытых кишок. Нарезав последние кусочками, обжаривали на вертеле или опускали в кипящую воду, где они сворачивались и становились похожими по виду и по вкусу хрящи. Некоторые из хозяек варили из копыт, очищенных от роговицы, и из нижних частей тела ног студень, который ели с хлебом.

Эвенки, жившие недалеко от русских, зимой варили «*щербу*»: в кипятке опускали сушеное мясо и заправляли мукой или рисом, который покупали у торговцев. Среднеамурские эвенки, кроме муки, в похлебку добавляли просо и сушеную толченую черемуху. В тех случаях, когда не было сушеного мяса, его заменяли кости. Если костей было много, из них вываривали жир, на котором пекли оладьи. В таких случаях котел с костями висел над огнем день два, пока на поверхность не подымался жир. Его

снимали и сливали в посуду для употребления. Иногда кости долбили обухом топора на камне, превращая их муку, из которой вываривали жир.

Мясо нерпы ели в вареном и жареном видах на месте промысла. Часть убитых нерп замораживали. При необходимости тушу размораживали в реке и свеживали в жилище. Жир сохраняли в нерпичьих желудках и берестяной посуде.

Ритуальным блюдом является «сэвэн» его делали из вареного мелко накрошенного медвежьего мяса, смешанного с прокипяченным жиром, и ели не больше две три ложек. Таким же образом некоторые группы эвенков приготавливали свадебное блюдо из мяса копытных животных. Для угощения шли самые лакомые куски и части.

Речная пища. Рыбу, как и мясо, если вареную и обжаренную на рожне. Способы насаживания рыбы на рожон зависели от размера рыбы. Очень большую рыбу, очистив, резали на куски, которые насаживали на палку; мелкую по несколько штук. Насаживали поперек хребта. Охотские эвенки на рыбалки ели в сыром виде хребты кеты и горбуши, иногда их головы. Некоторые из западных эвенков ели рыбу и в замороженном виде. Замораживали каждую рыбу отдельно, предварительно очистив. Мороженую рыбу ели обычно перед чаем, настрогав вдоль хребта. Рыбью икру ели вареную и мороженую, настрогав так же как рыбу. Некоторые растирали мороженую икру до жидкости, похожей на молоко, которую подмешивали в тесто для лепешек или в кипящую уху. Другие жарили икру, смешивая с салом, на сковороде. Запасы рыбы на морозные периоды делали только охотские, илимпийские и забайкальские эвенки, жившие в озерных районах.

Было отмечено пять сортов заготовления рыбы: «кацна» - сушеные лепешки, их делали, перемешивая икру, молоку и куски мяса, и пекли у огня прикрепленными к доске, затем досушивали на воздухе; «султа» вареная рыба, растертая с сырой икрой в кашицу, высушенная на солнце, которую потом крошили и досушивали дней 10 на солнце; «няк» - юкола, для приготовления последней очищенную от внутренностей со срезанной

головой рыбу разрезали вдоль хребта по брюшной части, делали на хребет елочкой на расстоянии пальца поперечные надрезы и вялили на солнце, затем досушивали у огня под крытым навесом; «*кололи*» - рыба икра, провяленная на солнце и досушенная над огнем в чуме; «*хачибас*» юкола для собак.

Илимийские эвенки из озерных районов разрезали рыбу ножом от хвоста по хребту, отделяли ребра и хребет, отрезали голову, делали поперечные надрезы, затем, насадив на палочки, засовывали под жерди чума и слегка прокапчивали, после чего досушивали рыбу на солнце. При сушке рыбы на воздухе иногда присыпали ее голубицей, которая прилипала и засыхала вместе с рыбой. Из сухой рыбы делали муку.

В тексте: по словам Мордвинова. А. «Инородцы, обитающие в Туруханском крае» некоторые из забайкальских эвенков, живших рядом с русскими, засаливали рыбу. Срезали хвост и голову, вынимали кости и укладывали в бочку, пересыпая солью. Запасы рыбы хранились в берестяных сосудах на лабазах, иногда продавали русским⁴².

Растительная пища. Растительная пища была характерна для весеннее – летних сезонов. Весной собирали березовый сок. Некоторые из эвенков летом по берегам выкапывали корни зонтичных растений, оскабливали, высушивали, толкли из них муку и заваривали с водой в виде кашицы. Все ягоды ели сырыми, запивая с чаем; если же было достаточно молока, лакомились «*мэнин*» - размятой голубицей, залитой оленьим молоком. Первые кедровые орехи ели вместе со скорлупой. Иногда их пекли в золе и толкли, а затем заливали кипятком до образования кашицы. Дикий лук входил в питание только у отдельных групп эвенков. Вокруг Байкала, по Ангаре и на Амуре было широко распространено выкапывание корней сараны. Их высушивали, толкли и делали муку, из которой пекли лепешки. Среднеамурские эвенки получали от дауров просо, черные бобы и сушеный

⁴² Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник Императорского Русского географического общества. – 1860. – С. 64.

перец. Из растительных продуктов на зиму запасали лишь сушеную черемуху. Осевшие эвенки на притоках Амура, которые контактировали с русскими, завели себе огороды и употребляли в пищу овощи и картофель.

С зерном и мукой эвенки познакомились до прихода русских, о чем говорят два названия – «бурдук» и «талган» но из муки раньше делали только похлебку или жарили ее с жиром.

Необходимым условием для печения хлеба в золе была сухая земля под костром, что учитывалось при выборе места для стойбища. Заквасив с вечера тесто, утром подмешивали его и подвешивали посуду с тестом к поперечной жерди чума, неподалеку от костра. Затем не очень крутое тесто выкладывали на сковородку с высоким бортом, обмазывали его поверхность водой и давали подняться и слегка спечься. Для этого разгребали костер, ставили сковороду с тестом, а вокруг и над ним из лучинок сооружали костер. Тесто подымалось, благодаря жару горячих лучинок корочка поверхностей розовела и получалась блестящей.

Напитки. Забайкальские скотоводческие группы широко употребляли в пищу коровье молоко. Его пили в сыром и кислом видах, и приготавливали из него разные продукты и блюда. Со свежего молока снимали сливки, а с кислого – сметану. Из кислого молока приготавливали творог, который запасали в сушеном виде. Из кислого молока суточной закваски делали напиток «араки». Молоко только отелившейся коровы кипятили до состояния творога. На молоке заваривали муку. Некоторые из скотоводов сбивали из молока масло.

Чай употребляли плиточный. Его пили без сахара перед едой по несколько чашек. Северные эвенки и забайкальские пили чай с солью. Зимой в местах, где не было свежей воды, ломали лед, и у входа в каждый чум всегда стоял «чуман» с кусками льда. При перекочевках и на охоте пользовались снегом, натапливая его в котле или чайнике. В случаях отсутствия чая заваривали сухие листья брусники, плоды шиповника, листья иван – чая.

С напитком «*араки*» эвенки познакомились до прихода русских в Сибирь. Эвенки – скотоводы Забайкалья, по свидетельству путешественников XVII – XIX вв., приготавливали «*араки*» из коровьего молока. Для варки устраивали специальное приспособление. В котел с низкими стенками, поставленный на три камня, между которыми поддерживали слабый костер, наливали кислое молоко суточной закваски, в него спускали несколько черпачков простокваши. Котел сверху накрывали перевернутой кадкой, в дне которой было отверстие со ставленной трубкой, обмотанной кожицей у основания и обмазанной коровьим пометом. На некотором расстоянии от этого котла в котел с холодной водой ставили металлический сосуд, плотно закрытый деревянной крышкой, в середине которой была вставлена трубка. Эту трубку соединяли с трубкой из кадки. Кислое молоко все время слегка кипело, пар, выходя по трубкам, остывал, и капли стекали в металлический сосуд. Чем кислее было молоко, тем больше была крепость «*араки*».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ традиционной культуры эвенов позволяет сделать ряд обобщений, касающихся материальной культуры, этнической истории и этнических взаимодействий с другими народами Сибири.

Материальная культура эвенков, начиная с охоты и кончая пищей, соответствовала их жизненному укладу. Кочевой образ жизни повлиял на тип жилищ. Как правило, у кочевого этноса жилище носили временный характер в отличие оседлого. В разных территориальных группах эвенков жилища имели свои особенности. Если на севере жилища представляли собой более утепленные и количество шкур покрывающие жилище было больше, то эвенки, жившие на юге, затрачивали материала меньше. Свои особенности имели также жилища оседлых эвенков, в отличие от кочевых.

Способы и средства передвижения эвенов также были приспособлены к постоянным перекочевкам в течение всего года. В изучаемый период для них были характерны вьючно-верховой и упряжный виды транспорта. Хотя постепенная трансформация жизни эвенков позволяет им отказываться от оленей и осваивать технику, которая более продуктивна и быстра, чем олень. Но и по сей день у большинства групп эвенков олень является единственным способом передвижения на большие расстояния.

Охота у венков так же подвергается изменениям. В настоящее время большинство групп эвенков уходят от традиционных способов охоты. Если в XVII в. и последующих веках эвенки использовали примитивные орудия охоты: пальму, лук, которыми охотились на оленя, кабаргу, соболей, медведей, лосей, то с появлением русского населения они получили усовершенствованное огнестрельное оружие. С появлением ружья уходят на второй план и загонная, засадная охота, когда эвенки собирались группой и загоняли животное. Но традиционные способы охоты на пушного зверя у эвенков сохранились и по сей день, такие способы как выкуривание соболя из дупла дерева, охота «обметом» или охота плашками и кулемами. Данные

способы ловли пушного зверя перенимали и русские, которые используют их, но на смену ловушкам пришли современные капканы. Они были более эффективны, чем ловушки, но на периоды XVII – XVIII вв. они находились в дефиците.

Анализ рыболовства эвенков приводит к выводу, что рыбалка у большинства групп эвенков стояла на втором плане поле охоты, но являлась так же необходимостью в случае нехватки мяса. Так же наблюдается наличие различных типов лодок в основном у оседлого населения, живущего по берегам рек и побережьям, основным занятием которых было рыболовство, причем лодки в большей степени были промысловыми, чем транспортными. Но, так же как и охота, способы рыбной ловли претерпели изменения, если древним охотничьими способами, сохранившиеся до сих пор, были прокол рыбы и стрельба по ней из лука, то теперь на ее смену пришло все тоже ружье из которого стреляют в рыбу. Характерным для эвенков ловля рыбы кирками, острогой, гарпуном и трезубцами ушла а второй план на данное время их заменили сети и самоловы, которые способствовали увеличению объема ловли и были менее затрате по времени.

Проведенный выше обзор традиционной одежды эвенов показал, что в ней хорошо сохранились традиции и элементы южного и северного происхождений. Традиции южного происхождения прослеживаются в фасоне и покрое распашного типа одежды. Северный компонент прослеживается в одежде закрытого типа.

Претерпела изменения и хозяйственной деятельности эвенков. Если первоначально эвенков считали оленеводами кем они и являются, то с приходом русских было перенято земледелие, что не было характерно для эвенков. Сведения о земледелии эвенков относятся к концу XVIII в., было связано с коренной ломкой традиционного уклада – переход от кочевания к оседлости. В местах, смежных с русскими, эвенки, не ушедшие в тайгу и ставшие безоленными, строили себе деревянные дома и перенимали от соседей навыки сельского хозяйства. Они приобретали лошадь, корову,

разводили огороды, а некоторые из них выкорчевывали в тайге небольшие участки и распахивали землю под посев. Но важно заметить, что земледелие было частью только некоторых групп эвенков к ним относились эвенки, оставшиеся на левых притоках Ангары и на Илиме, а именно вехнеленские, забайкальские, охранявшие государственные границы, а также безоленные, оставшиеся жить на левых притоках Амура. А что касается остальных групп эвенков, то для них было характерно вести скотоводческий образ жизни.

Что до рациона питания всех эвенков в конце XIX в. входила мясная пища, по сезонам чередовавшаяся с рыбной и растительной. Поскольку эвенки – охотники вели преимущественно бродячий образ жизни, заготовка запасов на длительные периоды для них не была характерной. Поэтому на охоте и на рыбалке выработались навыки не убивать больше того, что нужно для питания в ближайшее время. Важно отметить, что рацион питания эвенков претерпел не сильные изменения. В рацион питания у эвенков все так же входит поедание сырого и сушеного мяса, мозга и других органов дичи.

В целом, традиционная культура эвенков характеризуется во всех смыслах как культура таежных охотников и оленеводов. Она отображает восприятие таежной природы эвенками, передает уважительное и бережное отношение к природе, вписываясь в нее, как естественная и неотъемлемая часть. Многие элементы материальной культуры эвенков восходят к неолитической эпохе охотников, что показывает анализ имеющихся источников.

Традиционная материальная культура эвенков, а также и других народов Севера, представляет собой ценнейший материал для изучения его истории, роли народа в истории мировой культуры. Исследование материальной культуры эвенков, одного из тунгусских народов, может пролить свет на многие вопросы этнической и культурной истории народов Крайнего Севера и Сибири, их социальной жизни, культурно-бытовых связей на разных этапах исторического развития. В дальнейших исследованиях

нужно еще глубже изучить отдельные элементы материальной культуры, их генезис и историю развития на современном этапе.

Сохранение традиционной культуры и языка – первостепенная проблема малочисленных народов Севера в настоящее время. Каждый народ должен знать свою историю, традиции своих предков и передавать эти знания из поколения в поколение. Видно, в этом логика жизни: не познав свое, не поймешь чужое.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Неопубликованные источники

1. Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (ГКБУ «ГАКК») Ф. 667 «Петропавловской, Хатангской, Богоявленской, Усть — Абаканской церквей о миссионерской деятельности» Д. 138., 1802 — 1909 гг.
2. Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (ГКБУ «ГАКК») Ф. 817 «Разные примечания, относящиеся до орд кочующих вверху р. Енисея очерки Спасского. Г. И.» Д. 24., 1822 — 1865 гг.
3. Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (ГКБУ «ГАКК») Ф. 805 «Спасский. Г. И. О сибирской оленной и собачьей езде» Д. 430., 1803 — 1853гг, Д. 430., 1803 — 1853гг.

Литература

1. Антропова В.В. Водные средства передвижения / В.В.Антропова // Издптельство Академия Наук СССР. — 1961. — 48 с.
2. Богораз В. Г. Северная охота / В. Г. Богораз. — М.: Молодая гвардия. — 1931. — 179 с.
3. Василевич Г. М. Эвенки Историко - этнографические очерки (XVIII — начало XX в.) / Г. М. Васильевич. — Л.: НАУКА. — 1969. — 305 с
4. Василевич Г.М. Ессейско — гирингдинские эвенки / Г.М.Василевич // академия наук СССР / Г.М. Василевич. — М.-Л.: Наука. — 1951. — 60 с.
5. Василевич Г.М. Тунгусский кафтан / Г.М. Василевич // М.-Л.: Академия наук СССР, 1958. — 122 с.

6. Василевич, Г. М. Типы обуви народов Сибири / Г.М.Василевич // академия наук СССР. – М.-Л.: Наука. – 1963. – 64 с.
7. Василевич. Г. М. Уганд – жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов / Г.М.Василевич. – М.-Л.: Академия наук СССР. – 1963. – 53 с.
8. Василевич Г. М. Кoryтообразная нарта сымских эвенков / Г.М.Василевич. – М.-Л.: Академия наук СССР. – 1963. – 64 с.
9. Василевич Г. М. Енисейско-черингдинские эвенки / Г.М.Василевич. – М.-Л.: Академия наук СССР. – 1963. – 33 с.
10. Василевич. Г. М. Левин. М. Г. Типы оленеводства и их происхождение / Г.М.Василевич М.Г. Левин. – М.-Л.: Академия наук СССР. – 1951. – 28 с.
11. Геденштроп М. М. Отрывки о Сибири / М.М.Геденштроп. – СПб.: Типография медицинское Санкт-Петербургского департамента министерства внутренних дел, 1850. – 178 с.
12. Долгих Б. О. Расселение народов Сибири в XVII веке / Б.О.Долгих // академия наук СССР. – М.: Академия наук СССР. – 1952. – 12 с.
13. Ельницкий К. В. Тунгусы / К.В.Ельницкий. – СПб.: Издание М. М. Гутзаца, 1908. – 55 с.
14. Ермолова. Н. В. Эвенки Приамурья и Сахалина XVII – начало XX вв. / Н.В.Ермолова. – Л.: Академия Наук СССР институт Этнографии им. Н.Н.Миклухо Маклая, 1984. – 205 с.
15. Идес Э. И. Записки о Русском Посольстве в Китай (1692-1695) / Э.И.Идес // Главная редакция восточной литературы. – 1967. – 404 с.
16. Кайгородов А. М. Эвенки в Трехречье (по личным наблюдениям) / А.М. Кайгородов // Советская этнография. – 1968. – 131 с.
17. Кривошапкин М. Ф. Записки Сибирского отдела / М.Ф.Кривошапкин. – Иркутск: Русское географическое общество, 1863. – 52 с.
18. Мессершмидт Д.Г. Дневник путешествия из Тобольска через Тару, Томск и дальше в Сибирском государстве. 1721 – 1722. / Д.Г.Мессершмидт. И.: Б.и., 2012. – 30 с.

- 19.Мордвинов А. Иностранцы, обитающие в Туруханском крае / А.Мордвинов // Вестник Императорского Русского географического общества. – 1860. – 64 с.
- 20.Попов Н. А. Пища тунгусов / Н.А.Попов // Восточно – Сибирского отдела Русского географического общества. – 1938. – 32 с.
- 21.Самохин А. Т. Тунгусы Бодайбинского района: Статистико-экономический очерк / А.Т.Самохин // Сибирская живая старина. – 1907. – С. 66 – 86.
- 22.Степанов Н. Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в. / Н. Н. Степанов // Ученые Записки пединститута им. А.И. Герцена. – 1961. – С. 210 – 212.
- 23.Тоголуков В. А. Тунгусы Эвенки бассейна реки Турухан / В. А. Тоголуков. – М.: Наука, 1974. – 81 с.
- 24.Тоголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А.Тоголуков. – М.: Наука, 1985. – 143 с.
- 25.Толстова С. П. Народы мира «Этнографические очерки» / С.П.Толстова. – Л.: Академия наук, 1956. – 1142 с.
- 26.Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в.: принципы освоения угодий / М. Г. Туров // Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. – 176 с.
- 27.Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII – XX веках / Т.Б.Уварова. – М.: Российская академия наук, 2005. – 158 с.